Врата войны

Автор:
Александр Маркова

Врата войны

Александр Борисович Михайловский

Юлия Викторовна Маркова

Врата войны #1

История, повествующая о добре и зле, мужестве и героизме, предках и потомках, произошедшая в двух отстоящих друг от друга по времени мирах, соответствующих 1941-му и 2018-му годам. Эти два мира внезапно оказались соединены тонкой, но неразрывной нитью межмирового прохода. К чему приведет столкновение современной России с гитлеровской Германией и сталинским СССР? Поймут ли друг друга предки и потомки? Что было причиной поражений РККА летом сорок первого года? Как повлияют друг на друга два этих мира и две России, каждая из которых имеет свою суровую правду?

В оформлении обложки использована фотография

https://www.goodfon.ru/wallpaper/osnovnoy-boevoy-tank-t-90a.html

Часть 1. Путь искупления

Вступление

Вашему вниманию предлагается история, произошедшая в двух отстоящих друг от друга по времени мирах. Эти миры оказались связаны межмировым проходом,

имеющим форму лежащего на земле сплюснутого дисковидного облака диаметром около трехсот и высотой до сотни метров, географически находящегося в одном и том же месте.

На «нижней» стороне межвременного портального образования было 10:32 19-го августа 1941 года.

Историческая справка:в этот день в окрестностях образовавшегося межвременного портала проходила завершающая фаза Смоленского оборонительного сражения. К концу июля 1941 войска группы армий «Центр» заняли Ярцево, Смоленск и Ельню. С 10 июля в боях за Полоцк, Витебск, Смоленск и Могилёв было взято в плен около 300 тыс. человек, захвачено свыше 3 тыс. танков и приблизительно столько же орудий.

1 августа началось наступление армейской группы Гудериана (2 армейских и 1 моторизованный корпуса, всего 2 танковые, 1 моторизованная и 7 пехотных дивизий) в районе Рославля. Уже 3 августа Рославль был занят противником, и советские войска оперативной группы 28-й армии (2 стрелковые и 1 танковая дивизии) оказались в окружении. К 6 августа немецкая операция была завершена, командующий 28-й армией генерал-лейтенант В. Я. Качалов и его начальник штаба генерал-майор П. Г. Егоров погибли. По заявлению немецкого командования, в плен было взято 38 000 пленных, захвачено 250 танков, 359 орудий и другое вооружение. 8 августа началось новое наступление группы Гудериана против советской 13-й армии Центрального фронта. К 14 августа бои в районе Кричев?Милославичи завершились, в результате был разгромлен советский 45-й стрелковый корпус, командир корпуса генерал-майор Э. Я. Магон погиб. Немецкая 2-я танковая группа, используя чистый разрыв шириной в двадцать километров между 21-й и 13-й советскими армиями (первая из которых отступала на юг, а вторая на юго-восток), продолжила развивать наступление на юг на Унечу, Клинцы, Стародуб – то есть как раз в направлении места расположения временного портала.

Чуть раньше, 12 августа началось наступление 2-й полевой армии вермахта на гомельском направлении и в Полесье. В районе Жлобина и Рогачёва был окружён и разгромлен 63-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта Л. Г. Петровского, сам Петровский, назначенный 13 августа командующим 21-й армией, погиб. Развивая наступление на юг, 19 августа 1941 года немецкая 2-я полевая армия взяла Гомель. В результате боёв в районе Жлобина, Рогачёва и

Гомеля немецкое командование сообщило о захвате 78 000 пленных, 144 танков и более 700 орудий. В обороне Центрального фронта была пробита брешь, ухудшилось положение левофланговой 3-й армии, которой 22 августа пришлось оставить Мозырь.

В то же время 8 августа соединения 19-й (генерал-лейтенант И. С. Конев) и 30-й (генерал-майор В. А. Хоменко) армий возобновили бесплодные атаки в направлении Духовщины. Несмотря на то, что очередная попытка советских войск прорвать оборону противника и выйти на оперативный простор, оказалась безуспешной, немецкое командование все равно начало выражать обеспокоенность судьбой плана «Барбаросса». К тому же 16 августа началось новое наступление на центральном участке советско-германского фронта силами 30-й (генерал-майор В. А. Хоменко), 19-й (генерал-лейтенант И. С. Конев), 16-й (генерал-майор К. К. Рокоссовский) и 20-й армий (генерал-лейтенант М. Ф. Лукин) Западного фронта с целью разгрома духовщинской группировки противника (9-й армии). Одновременно продолжились попытки части сил Резервного фронта разгромить ельнинскую группировку. Безуспешные атаки с целью ликвидировать ельнинский выступ будут прекращены только 21 августа…

На другой, «верхней» стороне портального образования календарь показывал 02:05 20-го апреля 2018-го года.

Справка о дислокации частей и соединений Российской армии, расположенных в окрестностях образовавшегося межвременного портала:

49-я зенитная ракетная бригада (Бук-М3) расположена в поселке Красный Бор в восьми километрах западнее Смоленска, триста двадцать километров по дорогам до станции Унеча (в дальнейшем все расстояния указаны «по дорогам»);

144-я мотострелковая Виленская Краснознамённая, орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского дивизия, восстановленная из праха забвения в 2016 году:

– г. Смоленск (310 км): 148-й отдельный разведывательный батальон и 686-й отдельный батальон связи;

– г. Ельня (300 км): штаб дивизии, 254-й мотострелковый полк, 228-й танковый полк, 1259-й зенитный ракетный полк (ТОР-М2), 1281-й отдельный противотанковый артиллерийский дивизион, отдельная рота БПЛА, отдельная рота РЭБ, отдельная рота РХБЗ, 295-й отдельный инженерно-сапёрный батальон;

– г. Почеп (75 км): 856-й гвардейский самоходно-артиллерийский Кобринский ордена Красного знамени и ордена Богдана Хмельницкого II степени полк, 1032-й отдельный батальон материального обеспечения и отдельный медицинский батальон;

– пос. Клинцы (60 км): 488-й мотострелковый Симферопольский Краснознамённый, ордена Суворова полк имени С. Орджоникидзе;

– пос. Займище (6 км): 182-й мотострелковый полк;

До инаугурации Президента Российской Федерации, избранного в ходе выборов 18 марта, оставалось всего семнадцать дней.

* * *

19 августа 1941 года. 10:32. Брянская область, Унечский район, проселочная автодорога местного значения Унеча – Сураж, окрестности поселка Красновичи.

Лейтенант Карл Рикерт – взводный командир 1-го отдельного моторизованного разведывательного батальона 3-й танковой дивизии, действующей в составе 24 моторизованного корпуса 2-й танковой группы. (в дальнейшем лейтенант Карл Рикерт)

В этот день мой взвод находился в передовом дозоре, и наши бронетранспортеры «Ганомаг» бодро катили вперед, поднимая с дороги, никогда не знавшей твердого покрытия, мелкую как мука, чрезвычайно противную пыль, от которой отчаянно хотелось чихать и кашлять. За те два месяца, что мы вели войну в России, с неба не упало ни одной капли дождя. Кажется, от этой великой суши пересохли даже болота. Ужасная страна с непредсказуемой погодой… Местные жители смотрят на нас (немцев) волками, и каждый из нас молится, чтобы, когда нам будут давать поместья со славянскими рабами, ему не выпал жребий поселиться в этих гиблых местах. Населенных

пунктов, так называемых derewen, тут много, но все они очень небольшие по размеру. К тому же только небольшая часть местных селений находится на более-менее удобных местах у дорог, а остальные попрятались среди густых лесов и топких бездонных болот, которые, как я уже говорил, сейчас немного пересохли.

Командует нашей 3-й танковой армией генерал-майор Вальтер Модель, бравый солдат и настоящий офицер. Он ненавидит местных унтерменшей и никогда не упускает случая уменьшить их количество, чтобы они не отнимали жизненного пространства у германской нации. Для того, чтобы как можно скорее достичь этой поставленной фюрером цели, наш генерал всемерно поощряет нас на то, чтобы мы убивали русских даже в случае минимального намека на нелояльность – за косой взгляд или неприязненное выражение лица. Просто сейчас мы стремительно наступаем, и поэтому у нас просто нет времени на то, чтобы с обстоятельностью начать наводить орднунг среди этих недочеловеков. И только время от времени нам удается как следует поразвлечься – как в тот раз под городом Mogilow, месяц назад, когда мы захватили русский медицинский батальон и неплохо позабавились с тамошними девками. И, разумеется, потом мы их всех расстреляли.

Дело в том, что здесь перед нами, в силу гениальности нашего командующего, образовалась дыра между двумя русскими армиями, шириной километров двадцать-тридцать. Эти Иваны настолько медлительны и нерасторопны, что мы всегда обходим их на поворотах. Сейчас целью нашего наступления является город Starodub, в котором наша дивизия остановится и подождет пока нас нагонит наша пехота, которая, конечно, движется быстрее медлительных Иванов, но все-таки недостаточно проворно для того, чтобы поспевать за моторизованными частями. И пока мы, двигающиеся впереди наших панцеров, докладываем командованию «противник не обнаружен», войска нашего 24-го моторизованного корпуса и вообще всей второй танковой группы под командованием легендарного Быстроходного Гейнца, могут продолжать свое стремительное и неудержимое наступление.

Наша колонна уже почти проскочила эти Krasnowitschi, как вдруг с правой стороны дороги позади нас началось нечто невероятное. Прямо посреди большого картофельного поля поднялось большое облако белого дыма, расползаясь во все стороны белесой кляксой почти правильной формы. Сначала я подумал, что это русские привели в действие заранее заложенный химический фугас, и поэтому приказал своим солдатам надеть противогазы. Но это облако

не вело себя как любое другое порядочное облако. То есть оно вообще себя никак не вело. Несмотря на то, что ветерок был довольно-таки ощутим, оно просто расползалось во все стороны, как забытое на столе нерадивой хозяйкой дрожжевое тесто.

У меня не было никакого права оставлять без разведки это потенциально опасное явление на пути основных сил нашей дивизии, поэтому я немедленно связался с моим командиром гауптманом Зоммером, который с основными силами нашего батальона двигался по той же дороге на несколько километров позади нашего дозора. Командир согласился со мной, что все непонятное может быть потенциально опасно. И тут же сообщил, что наш взвод в головном дозоре на пути к Starodub сейчас сменит взвод этого болвана оберлейтенанта Вальзера, а я, мол, должен предпринять все необходимые меры к тому, чтобы обнаруженное нами явление было полностью разведано. Мне и моим людям необходимо выяснить, скрывается ли в этой штуке какая-нибудь опасность, которая может грозить германской армии.

Единственное, что я мог ответить, мысленно проклиная все на свете, это «Яволь, герр гауптман», после чего принялся думать, что же мне по этому поводу все-таки предпринять. И вот ведь, как назло, эта штука образовалась именно при нашем появлении; правда было бы гораздо хуже, если бы на это наткнулись основные силы нашего батальона, а мы ни о чем подобном и не докладывали. Гауптман Зоммер – строгий начальник и умеет задавать вопросы так, что с подчиненного разом сходит семь холодных потов.

Тем временем эта штука, достигнув примерно трехсот метров в диаметре и около сотни в высоту, почти перестала расти и теперь напоминала брошенный на землю немного оплывший большой кусок молочного желе. Я приказал своему взводу съехать с дороги на это самое картофельное поле и остановиться метрах в ста от этой штуковины, которая явно не собиралась никуда двигаться, и поэтому не выглядела хоть сколько-нибудь опасной. Ну и как ее, простите, прикажете исследовать? Сюда бы моего двоюродного братца Курта, который работает на ИГ Фарбениндустри химиком-исследователем – такие задачи как раз в его вкусе.

Впрочем, и мы тоже кое-что можем, тем более что эта белесая штука не выглядела особо страшной. Куда опаснее подходить к стоящему на обочине русскому танку, когда заранее не знаешь, бросили большевики заглохшую машину и убежали в лес, или же, притаившись, сидят внутри, готовые

отстреливаться до последнего патрона. Да и почему командир должен рисковать своей жизнью, когда у него есть никчемные во всех остальных смыслах подчиненные?

Недолго думая, я назначил героем рядового Рольфа Репке, своего собственного посыльного-телефониста и самого нелюбимого человека во взводе. Толстый, неопрятный, в вечно мятом кителе, он говорил, что у него какая-то болезнь пищеварения, из-за чего его кишечник издает ужасные звуки, сопровождаемые не менее отвратительным запахом.

– Рольф, – сказал я ему, – Фатерланду нужны герои, поэтому сегодня я назначаю тебя добровольцем. (при этих словах мои парни заржали). Возьмешь свой телефон, катушку с кабелем и пойдешь исследовать вот эту штуку. Самое главное – не молчи и все время докладывай обо всем, что видишь. Смотри, не забудь здесь свой карабин. И если тебя начнут убивать, веди себя так, как и полагается доблестному арийскому воину. Ты меня понял, жирная трусливая свинья?

– Яволь, герр лейтенант, – ответил рядовой Репке, после чего получил от меня хорошего пинка под зад в качестве напутствия.

Катушка у этого Репке на полкилометра провода. Должно хватить на то, чтобы он дошел до этой штуки, прошел всю ее насквозь – и еще немного останется. Закинув карабин на плечо, и спотыкаясь о картофельную ботву, Репке, опустив голову, побрел вперед. Дойдя до этой штуки, он пощупал ее рукой и, сказав: «Это просто туман, герр лейтенант», шагнул внутрь.

– Обычный туман, – через некоторое время я услышал в наушниках его голос, и еще через некоторое время он добавил: – Темнеет и становится холодно, очень холодно. Я весь замерз. Разрешите вернуться обратно, герр лейтенант?

– Иди вперед, Репке, и не умолкай, – скомандовал я, – осталось совсем немного. Ты же настоящий ариец, и не имеешь права бояться холода и темноты.

– Яволь, герр лейтенант, – покорно пробормотал тот, при этом в наушниках было слышно, как от холода стучат его зубы, и почти тут же добавил: – Все, я прошел эту штуку насквозь. Тумана больше нет, зато тут темно – наверное, ночь – очень холодно и идет дождь. Справа от меня видно какое-то небольшое селение –

деревня или хутор – в котором горят электрические фонари… Тут очень холодно, герр лейтенант, и я весь промок. Разрешите мне возвращаться…

– Эй, Репке! Ты что, шутить вздумал? – я начал злиться. – Какая ночь, какой дождь?

– Обыкновенный, герр лейтенант… – тоскливо пробормотал он и я услышал его сопение – это значило, что толстяк не на шутку разволновался. – Я не шучу. Я сам ничего не понимаю…

– Ты, болван! – заорал я. – Ты хочешь сказать, что каким-то образом оказался на противоположной стороне земли, где-то в Аргентине?! Отвечай! Или ты внезапно свихнулся?

Сопение стало громче. Было похоже на то, что Репке действительно растерян. Я постарался успокоиться. Если этот мерзавец решил глупо меня разыграть, я ему устрою такое, что он больше никогда не отважится шутить – вообще ни с кем. Но что-то подсказывало мне, что дело тут действительно нечисто. Не стал бы посыльный-телефонист нарываться, играя со мной в такие глупые игры.

– Так, Репке, – сказал я более миролюбивым тоном, – слушай меня и выполняй приказ. Пройди дальше и получше осмотрись по сторонам. В первую очередь скажи, как это штука выглядит с той стороны?

– Как большая куча темноты, герр лейтенант, – откликнулся тот, – я могу, конечно, пройти дальше, но провод на катушке уже почти закончился. Быть может, я все же вернусь?

– Нет, Репке, – отрезал я, – стой там и никуда не уходи. Сейчас я пришлю к тебе подкрепление. Ребята привезут тебе сухую шинель и чего-нибудь выпить.

Отключив микрофон, я подозвал к себе командира первого отделения, унтер-фельдфебеля Дитера Краузе, здорового, немного медлительного баварца, который был во взводе моей правой рукой. Думает он медленно, но зато с крестьянской основательностью – и поэтому на его выводы всегда можно положиться.

– Значит так, Дитер, – сказал я ему, – бери своих парней, и давайте поезжайте вдоль провода внутрь этой штуки. Есть у меня подозрение, что это не простой туман… Вам придется или развеять мои предположения, или выяснить, что это такое на самом деле. Да, наденьте шинели и захватите шинель для Репке, который ждет вас у самого выхода. Без вопросов! Как только доедешь туда, дай ему хлебнуть горячительного и отправляй обратно. Одну машину вместе с обергефрайтором Бонке оставишь у конца провода. Если у нас не получится связаться по радио, будете держать связь по телефону. Пока Бонке будет охранять выход, ты проедься по окрестностям и как следует осмотрись. В первую очередь требуется выяснить, несет ли эта штука угрозу нашим войскам. Мне нужны факты и только факты, иначе я послал бы на это дело нашего умника из второго отделения. Понял меня?

– Яволь, герр лейтенант, – козырнул унтер-фельдфебель, бросив взгляд в сторону унтер-офицера Николаса Шульца, того самого командира второго отделения, – можете не сомневаться, сделаю все в лучшем виде.

Николас – парень, конечно, серьезный, и я против него почти ничего не имею. Почти – это значит за маленьким исключением. Он фольксдойче, остзеец, и происходит из семьи, которая вернулась в Фатерланд в двадцатом году. До этого возвращения последние двести лет его предки служили не кому-то из германских государей, а русским царям. Сам Николас родился в России еще до той войны, поэтому неплохо говорит по-русски, что позволяет здесь, в России, использовать его вместо переводчика, которого нет не только в нашем взводе, но и во всем батальоне. Еще он хороший командир отделения. Грамотный, дотошный и заботящийся о своих солдатах как родной отец, а также безукоризненно храбрый в бою, даже в самой отчаянной горячке не теряющий холодную голову. Еще он до войны окончил Берлинский университет и имеет диплом в области романо-германской филологии. Абсолютно бесполезная, с моей точки зрения, бумажка. Шел бы лучше в военное училище, как я, или учился на химика, как мой двоюродный братец Курт. Пользы было бы значительно больше.

Но на этом все его достоинства заканчиваются и начинаются сплошные недостатки, главным из которых является его сочувствие к местному русскому населению и неодобрение той политики, которую фюрер собрался проводить на восточных территориях. В бою мы все уверены, что его рука не дрогнет, но вот после начинается типичная славянская размазня, которая не к лицу истинному арийцу. А еще он несколько раз публично выражал сомнение в успешности

нашего восточного похода, говорил, что вот-вот русские опомнятся и накатают нам по первое число, как накатали Наполеону, который имел наглость прогуляться до Москвы. Однажды я не выдержал и наорал на него, чтобы он не смел равнять какого-то задрипанного французишку-корсиканца и доблестное германское воинство, отправившееся под руководством Великого фюрера в восточный поход для завоевания себе жизненного пространства. Чует мое сердце, что мы еще наплачемся с этим наполовину русским унтером.

Итак, уехавший на ту сторону унтер-фельдфебель Краузе уже через пять минут доложил по телефону, что он прибыл на место и приступает к выполнению задания. Рация, как я и предполагал в самом начале, через это странное облако не действовала, и приходилось пользоваться проводной связью. Еще через пять минут, шагая вдоль провода, в распахнутой шинели явился мокрый и промерзший рядовой Репке, который к тому же еще и пошатывался от изрядной дозы русского домашнего шнапса, которую в него влил наш добрый унтер-фельдфебель. Впервые за все время парни как-то по-новому посмотрели на этого увальня. Думаю, что теперь отношение к нему переменится, потому что он, пусть и по приказу командира, все же выполнил потенциально опасное задание и добыл важные сведения.

Повторно командир нашего первого отделения вышел на связь через полчаса, несколько возбужденным тоном сообщив, что он произвел предварительную разведку, взял в качестве языка местного жителя, и теперь возвращается обратно, оставив один Ганомаг с пулеметом под командой обергефрайтора Бонке охранять выход из этой штуковины. Делая этот доклад, Дитер как-то загадочно хмыкал и просил «держать наготове нашего доброго унтер-офицера Шульца». Неужели и там тоже русские? За это время, пока унтер-фельдфебель Краузе занимался разведкой по ту сторону этой штуковины, мимо нас на полной скорости, пыля и горланя песни, проскочил взвод оберлейтенанта Вальзера, и в самом скором времени следовало ожидать прибытия самого гауптмана Зоммера. Будет очень хорошо, если к тому моменту я смогу представить ему максимально полный доклад по этому делу. Может, он и отметит наш взвод в рапорте на имя командира дивизии, за образцовое выполнение разведывательного задания.

Языком, которого взял Краузе, оказался достаточно хорошо, пусть и несколько крикливо одетый молодой мужчина, ничуть не похожий на местных русских, что уже заставило меня насторожиться. Своим унылым выражением лица он напоминал мне выловленного из пруда карпа. Отчего-то при взгляде на него мне становилось немного не по себе. Но я даже не мог предположить, какое

потрясение ждало меня впереди. Дитер с каким-то странным выражением лица протянул мне найденный у этого человека документ, я подозвал унтер-офицера Шульца и мы начали разбираться с этим делом. Заглянув в бумаги, мы с ним молча переглянулись и снова уставились в документ. При этом Дитер внимательно наблюдал за нами, приподняв одну бровь. Я моргал и протирал глаза, Шульц то склонялся над документом, то, наоборот, отодвигался – наверняка, мы с ним выглядели несколько нелепо. Но как еще можно выглядеть, если держишь в руках доказательства того, чего просто не может быть? Документ оказался паспортом. Причем паспортом гражданина неизвестной мне страны под названием «Российская Федерация». Но самым интересным и невероятным было вот что – документ этот свидетельствовал о том, что он был выдан в 2015 году гражданину Максиму Алексеевичу Тимофейцеву, 1985 года рождения, уроженцу города Брянска. Темно-красная книжечка содержала внутри бледно-сиреневые страницы, сплошь изляпанные царскими двуглавыми орлами…

Все это заставило меня посмотреть на обладателя этого странного паспорта более внимательно. Тот, в свою очередь, тоже откровенно меня разглядывал, но в его глазах не было ни страха, ни паники. На вопросы отвечал охотно – вообще, было похоже, что этот человек считает все происходящее необычным приключением – и не более того. С его слов выходило, что там, по ту сторону этой штуки, находилась не Тасмания или Аргентина, а все та же Россия, но только в апреле 2018 года. Так это дыра во времени! Конечно же, мы были шокированы. Шульц то и дело бросал на меня многозначительные взгляды и смущенно покашливал. Я же с трудом контролировал себя, чтобы не округлять от удивления глаза. Трудно было привыкнуть к мысли о том, что такое вообще возможно – связать мир прошлого и мир будущего…

Ну а следующее известие обладатель документа сообщил с некоторым самодовольством, одарив нас презрительно-сочувствующим взглядом – оказывается, Германия проиграла эту войну, русские орды ворвались в Берлин и разнесли его вдребезги не оставив и камня на камне… Мы слушали его рассказ с ужасом и были очень подавлены знанием того, что Третьему Рейху не удалось восторжествовать – в ходе этой войны, как и предсказывал унтер-офицер Шульц, после четырех лет тяжелейшей для обоих сторон войны он был начисто сметен с лица земли, а национал-социалистические идеалы низвергнуты в прах. Большевистское знамя, развевающееся над развалинами рейхстага – этого я не мог предполагать даже в страшных своих кошмарах.

Потом, сорок шесть лет спустя коммунизм сам рухнул под тяжестью своих преступлений, но значительная часть населения России сохранила пробольшевистскую красную ориентацию. При этом господин Тимофейцев был полностью уверен, что как только власти этой самой Российской Федерации узнают о существовании дыры, связывающей наши миры, они немедленно нападут на вермахт, нанеся ему удар в спину. По уверениям этого самого человека, русская армия не очень велика, меньше миллиона человек, но вооружена до зубов, фанатично предана своему вождю и прекрасно обучена, чего мы никогда не наблюдали у большевиков. И что самое страшное – большая часть населения (к которой этот Тимофейцев, как я понял, не относится) поддержит эту войну, назовет ее патриотической и новой Великой Отечественной. Эту информацию явно следует немедленно довести до самого высокого командования и, может быть, даже до самого фюрера.

Но нам действовать предстояло все равно строго по инстанциям, и гауптман Зоммер был первым, кому этот Тимофейцев должен повторить свой рассказ. Тем более что он вот-вот прибудет к этим Krasnowitschi вместе с подчиненным ему отделением управления и третьим взводом под командованием штабс-фельдфебеля Лейтнера. Гауптман Зоммер – и только он – будет решать, о чем необходимо доложить наверх, а о чем умолчать. Если солдаты узнают, о чем болтал этот штатский выходец из иного мира, то ничего хорошего нам точно не будет. В лучшем случае это штрафные роты, а в худшем нас просто пристрелят в ГФП и сделают вид, что таких никогда не существовало.

* * *

Тогда же и там же.

Максим Алексеевич Тимофейцев, либеральный журналист и модный блогер.

Иногда творческому человеку просто необходимо удалиться куда-нибудь подальше от мирской суеты. Послушать шум леса, пение птиц и даже кваканье лягушек – словом, удалиться на лоно природы, для того чтобы переосмыслить свое место в мире, подумать над тайнами бытия…

Вот и в этот раз, устав от повседневной рутины, почувствовав глубокую жизненную неудовлетворенность, я отправился на слияние с этой самой природой, покидав в свою «Тойоту» все, что необходимо для жизни – в том числе

тарелку с тюнером, позволяющие подключаться к спутниковому интернету. Не люблю быть оторванным от мира или зависеть от милости местных сотовых операторов, у которых интернет обычно крайне медленный, да еще и регулярно глючит.

За скромную сумму я арендовал у приятеля дом в глухой деревне, принадлежащий его бабушке. Уж за что этот населенный пункт на Брянщине (в котором имеется только две улицы и обе они имени Котовского) окрестили Кучмой, я не знаю, но в некотором смысле это была если и Россия, то самый ее край. В деревне из восемнадцати домов заняты аборигенами оказались только три, еще два (в том числе и тот, ключ от которого мне отдал приятель), использовались в качестве дач, а остальные участки зарастали травой и кустарником. Тут бы мне всплакнуть, пустить слезу по погибающей русской деревне… Но сердце мое при виде трухлявых развалин оставалось холодным, а глаза сухими. По мне – пустить бы все это в оборот и позвать оборотистых людей, чтобы снесли к чертовой матери это старье и настроили чистеньких и аккуратненьких швейцарских домиков для проживания европейских туристов и обслуживающего персонала.

Одним словом, приехал я туда в последних числах марта, когда в полях еще лежал снег, и планировал пробыть где-то до середины мая, чтобы переждать и майские праздники с их дешевой патриотической трескотней, и президентскую инаугурацию. Последнюю особенно. Никогда раньше я так остро не чувствовал торжества победившего быдла, оказавшегося в огромном большинстве, как после президентских выборов в марте этого года. Нет, надо устроить в России все таким образом, как это уже устроено в Америке, и сделать так, чтобы почтеннейшая публика (именуемая народом или электоратом) имела право выбирать исключительно из абсолютно одинаковых «наших» кандидатов, отличающихся друг от друга только внешней мишурой. Например, между Явлинским и Собчак. И вот тогда мы бы могли устроить настоящую десталинизацию и всеобщее разоружение; а не как сейчас, когда ты гонишь Усатого в дверь, а он обратно забирается в окно через патриотическую пропаганду и воспитание.

Но кто же все это сделает и устроит? Не зря же восемнадцать лет назад, в критический момент нашей истории, почтенная бабушка русской демократии (а некоторые скажут – «баба-яга русской либерастии») Людмила Алексеева произнесла после выборного ночного телемарафона на НТВ: «Ну что, допрыгались, (вымарано цензурой), Путин – это навсегда!». Ей, старой зечке,

хорошо знакомой со сталинскими лагерями и брежневскими психушками, уже тогда было понятно, что отныне никакие демократические кандидаты никаким законным не смогут путем попасть в демократическую власть. Все, окно возможностей, ненадолго приоткрывшееся в девяностые годы, с приходом Путина захлопнулось наглухо – и теперь таким как я, для достижения полного счастья (то есть слияния с окружающим нас свободным западным миром) придется ждать, как «они» говорят, следующей величайшей геополитической катастрофы.

И так я, значит, и жил в этой глухой деревне (хотя хотелось сливаться с природой на пляжах Майами или на Багамах), при этом иногда выбираясь в город (прим. авт.: городом этот персонаж считает только Москву), к цивилизации, для того чтобы купить самых необходимых вещей. Но проделывал я это не более чем раз в месяц, ибо семь часов за рулем туда и столько же обратно выматывают ужасно. Выезжаешь обычно еще затемно и возвращаешься на дачку уже за полночь – причем пакетами со всякой всячиной забит не только багажник, но и задние сиденья салона. Ну, вот и в этот раз было то же самое – возвращаюсь я в эту Кучму, на дворе два часа ночи с хвостиком, дождь моросит, темень. Сворачиваю у Красновичей налево – и почти у самого дома, метрах в трехстах-четырехстах от поворота, мне прямо в глаза светят фары, и какой-то мужик, вроде в форме, машет рукой, требуя остановиться. «Ну ни хрена себе, – усмехнулся я про себя, – гайцы так оголодали, что уже на деревенских проселках охотиться начали? Так я вроде ничего и не нарушал. Хотя эти и к телеграфному столбу за превышение скорости докопаются».

Останавливаюсь, как положено, выхожу из машины с документами…Смотрю – и тут кино и немцы! Точнее, никакого кина не видно, а вот не говорящие по-русски и наставившие на меня винтовки камрады в форме, удивительно похожей на ту, что показывают в кино, в наличии имеются. Причем в количестве шести экземпляров, если считать водилу бронетранспортера. Я в военной технике не разбираюсь, но ничем другим этот гибрид трактора и грузовика с пулеметом наверху быть не мог. Раритет дремучий, но в свете фар моей тачки видно, что на темно-сером борту этого раритета белой краской намалеван немецкий крест.

Сначала я было подумал, что это так реконструкторы забавляются, шутки шутят, но потом с удивлением понял, что реконструкторами тут даже и не пахнет. Немцы были вполне настоящие, словно появились здесь прямо из времен Великой Отечественной. При этом они не владели не только русским, но и, что удивительно, английским языком. Совсем дикие – короче, в наше время таких

просто нет. Вот черт – они что, нашли машину времени? Такого же просто не может быть! На всякий случай надо пощипать себя – вдруг это сон… Не сон, однако. Хм, наркоты я вроде не употребляю, пил последний раз пару дней назад – бутылочку сухого белого… Ладно, допустим, это мне не чудится, и это вправду немцы времен войны – фашисты, стало быть (как говорится, «есть многое на свете, друг Горацио…»). Как мне себя вести с ними? Надо бы, конечно, поосторожнее, но что-то не могу отделаться от желания слегка поглумиться – ведь именно мы надрали им задницу в сорок пятом, и если уж они вылезли здесь, в 2018-м, чует мое сердце – недолго им осталось коптить небо XXI века…

А тем временем эти персонажи с удивлением пялились на мою вполне заурядную и потасканную тачку, на мой расейский паспорт, и особенно на мой смартфон, который при обыске вытащили у меня из кармана. Он у меня не самой последней модели – даже, наоборот, несколько устарел; но посмотрев на то, как эти бабуины вертят его в руках, писатель Крылов смог бы заново написать свою басню про мартышку и очки.

Потом они ткнули мне в спину стволом винтовки и приказали залезать в кузов своего бронетранспортера. Нет, вообще-то сначала они хотели, чтобы я куда-то поехал вслед за ними на своей тачке; один из этих «белокурых бестий» даже сел ко мне на пассажирское сиденье, но «Тойота», едва съехав с дороги, увязла в грязи как муха в варенье. Она ж таки не вездеход. Пришлось выгружаться и лезть в кузов ихнего железного гробика. Я совершенно не разбираюсь в военной технике, но понимаю, что защитить такая тонкая броня способна только от плевков горохом и пулек из рогатки.

Съехав с дороги, мутантное изделие фашистского автопрома зачавкало гусеницами по грязи, а я начал лихорадочно соображать. В конце концов, я не еврей и не большевик, к тому же зверства фашистов, наверняка преувеличены совковой пропагандой. А что касается евреев, то я их тоже не люблю. Кто же любит конкурентов. Эти пронырливые типы всегда оказываются первыми у кормушки и всегда получают самые жирные заказы. Нет, если это и в самом деле настоящие фашисты – тогда это шанс выдвинуться и стать заметным человеком, а не одним из многих, которые хотят жить как в Европе. Нет, в масштабах страны нас немного, но внутри тусовки конкуренция очень велика. Так что, если мне вдруг улыбнулась удача, я непременно должен ею воспользоваться…

В этот момент бронетранспортер въехал в своего рода облако тьмы, но чем дальше мы продвигались, тем теплее и светлее становилось. Наконец мы выехали в теплый, и даже жаркий, полдень. Впрочем, местность вокруг расстилалась вся та же, только обстановка была куда более архаическая. Пришлось расстаться с последними сомнениями – мы находились явно в другом времени. Выходит, это облако являлось некой дырой, соединяющей два временных периода. Просто ааафигеть – как сказала бы моя племяшка Юля. Вот я и «афигевал», но старался держать себя в руках – все-таки я взрослый и солидный мужчина для того, чтобы по-мальчишески восклицать «Ух ты! Вот это да!», хотя, если честно, подобные порывы возникали.

Итак, вот что я увидел по ту сторону дыры. Там расстилалось картофельное поле, и на нем стояло несколько таких же бронетранспортеров, как и тот, который приехал за мной. Вокруг них толпились немецкие зольдатены в расстегнутых мундирах с закатанными рукавами. Было откровенно жарко, и я тоже начал париться под своей теплой курткой. Да уж, ну и дела. Дыра между временами – и никакой машины времени… На одной стороне этой дыры немцы, на другой мы, а посередине нечто. Интересно, если дойти до середины, а потом повернуть обратно, то куда выйдешь – на ту же сторону или на противоположную? Немцы – они ведь аккуратисты и педанты, ставить эксперименты им даже не придет в голову. Я ведь видел, что на эту сторону они ехали вдоль какого-то провода, который служил им чем-то вроде путеводной нити Ариадны.

Кроме всего прочего, какими бы крутыми эти немцы ни считали себя тут в прошлом, на нашей стороне они всего лишь наивные дети природы, тупая деревенщина, а их рации и винтовки значат ничуть не больше, чем там-тамы и ассегаи каких-нибудь зулусов. Пусть я не разбираюсь в оружии, но все равно понимаю, что за эти почти восемьдесят лет человечество шагнуло далеко вперед. Кроме того, эти наивные парни даже не подозревают ни о цифровой связи, ни о спутниковой разведке, ни о приборах ночного видения. Если я поделюсь с ними информацией, то могу рассчитывать на приличное обращение и, возможно, даже вознаграждение. В любом случае, если наши им все-таки накостыляют (а это почти неизбежно), я смогу сказать, что меня взяли в плен и силой и угрозами принудили к сотрудничеству, а я гражданский человек, который не давал никаких клятв и поэтому не обязан проявлять мужество и героизм. Но если все-таки дело выгорит и эта дыра захлопнется так же неожиданно, как и открылась, то с моей помощью немцы сумеют разгромить здешний совок и прибить Усатого – а это значит, что весь остаток своей жизни я буду кататься как сыр в масле.

Мы подъехали к группе немецких зольдатенов. Захвативший меня немецкий командир, к которому молодые солдаты почтительно обращались «герр унтер-фельдфебель», а те, которые постарше, по-панибратски «Дитрих», приказал мне оставаться на месте. Сам он, забрав отобранные у меня вещи, пошел докладывать единственному в этой группе офицеру. Никем иным этот тип в фуражке быть не мог. Неужели и тут никто не говорит по-русски или хотя бы по-английски? Почти сразу к ним присоединился еще один тип, немного моложе и более интеллигентного вида, чем унтер-фельдфебель Дитрих. На того посмотришь – и на ум сразу приходит совхозный бригадир времен моего детства. Морда красная и сапоги в навозе по самый верх, но бо-ольшой начальник. Нет, второй был совсем другого поля ягодой – у него высшее образование было явно написано на физиономии, к тому же паспорт те двое показывали именно ему. Минут десять они там возбужденно базарили по-немецки, тыкали пальцем в мой документ, потом снова базарили. Затем офицер махнул рукой – и один из охранявших меня солдат несильно, но обидно толкнул меня в спину прикладом винтовки, сказав при этом только: «Комм, комм, швайне».

Я подошел. Этот интеллигентный немец, назвавшийся унтер-офицером Николасом Шульцем, действительно очень хорошо, почти без знаменитого немецкого акцента, говорил по-русски.

– Вы, господин Тимофейцев, – сказал он мне, – попали в руки солдат доблестной германской армии. С этого момента ваша жизнь в ваших же руках. Любое сопротивление или обман будут караться вплоть до расстрела, любое сотрудничество будет вознаграждаться по мере получения положительных результатов. Ваше положение дополнительно облегчится еще и тем, что вы не еврей и не большевик, а значит, в вашем случае возможны любые варианты – от самых положительных, до самых отрицательных. Скажите, господин Тимофейцев, вы меня поняли?

– Да, герр унтер-офицер, – ответил я, вытягиваясь в струнку, – я вас понял и согласен добровольно сотрудничать с Третьим Рейхом.

Унтер-офицер Шульц что-то сказал своему командиру, тот ему ответил, после чего Шульц снова обратился ко мне:

– Ну вот, господин Тимофейцев, герр лейтенант говорит, что вы умный человек, раз решили сотрудничать с германской армией. В награду за доброе поведение

в разговоре лично со мной вы можете обращаться ко мне без чинов, просто по имени. А теперь, поскольку о расположении большевистских сил вас спрашивать бессмысленно, спокойно и по порядку изложите историю тех событий, которые произошли между августом 1941 года и вашим временем…

Ну, я им и выдал так, что мороз по коже. Пусть хотят – верят, хотят – нет, но ни одно мое слово не было враньем, я лишь чуть-чуть сгущал и разжижал краски на нужных мне местах. При этом я сразу заявил, что проверить мою информацию господа германские офицеры смогут, если отправятся вместе со мной обратно в 2018 год, к моему устройству для получения информации, и что сюда переместить его никак нельзя, ибо оно всего лишь конечный терминал огромной информационной сети, охватывающей весь мир.

* * *

Тогда же и там же.

Унтер-офицер вермахта Николас Шульц, он же Николай Максимович Шульц.

Честно скажу, господа, я сам не знаю, кто я такой – в смысле немец или русский. Отец мой, Максим Иванович Шульц, был офицером русского императорского флота и чудом избежал матросских бесчинств в марте семнадцатого года. Свидетельствую, что первую волну убийств офицеров инспирировали не большевики, которых тогда еще не было и в помине, а рвущиеся к власти либеральные политические говоруны. Я все отлично помню, потому что было мне тогда уже девять лет – вполне большой и все понимающий мальчик, а такой кошмар, какой творился тогда, не забыть и за всю жизнь.

После захвата власти большевиками и фактически роспуска ими Балтийского флота, чудом спасенного каперангом Щастным в тяжелейшем ледовом переходе из Гельсингфорса в Кронштадт, наша семья сначала бедствовала в Петрограде, перебиваясь с хлеба на воду. Потом, в девятнадцатом году, после того как от тифа умерла моя мать, отец со мной и младшей сестренкой через Финляндию и Швецию сумел перебраться в Германию, где у нас, как у всяких порядочных немцев, была какая-никакая родня.

Тогда я постарался забыть, что я русский и решил стать образцовым немцем. Закончил школу, отучился в Берлинском университете, получив диплом филолога (самый безопасный в политическом смысле), и тут грянул тридцать третий год… Хорошо хоть, что расовое происхождение нашей семьи было признанно безукоризненно арийским, и вся вакханалия, охватившая Германию при Гитлере, прошла мимо нашей семьи.

Потом, в тридцать пятом году, в Германии была восстановлена всеобщая воинская повинность, а в тридцать восьмом призвали в армию и меня. Была возможность, окончив краткосрочные офицерские курсы, пойти по разведывательной линии в абвер, но мне, хоть я и не любил большевиков, показалось мерзким шпионить против своей бывшей родины. В результате я попал в школу унтер-офицеров, а после ее окончания был зачислен в разведывательный батальон (в других армиях соединения такой численности называются ротами) 3-й танковой дивизии.

Нельзя сказать, что это была скучная служба. В марте тридцать девятого мы входили в Чехословакию и даже принимали участие в военном параде в Праге. В сентябре того же года восточнее города Брест-Литовского наша дивизия участвовала в окружении того, что раньше называлось Польшей, а в сороковом году наши танки огнем и гусеницами прошли через территории Нидерландов, Бельгии и Франции; и закончили мы ту войну западнее Парижа. Нельзя сказать, чтобы у меня были хоть какие-то переживания по поводу несчастных судеб поляков, голландцев, бельгийцев или французов. Во время Польской и Французской кампаний обе составляющие моей души находились в покое и полной гармонии, ибо и те, и другие, и третьи с четвертыми в свое время сильно провинились – как перед русскими, так и перед немцами.

Война на востоке была совсем иным делом. Все два месяца, пока она продолжалась, я старательно убеждал себя, что мы, немцы, воюем не против русского народа, а против мирового жидобольшевизма, который уже поработил Россию и теперь хочет подмять по свою пяту весь мир. Но чем дальше – тем быстрее эта иллюзия рассеивалась, и я все чаще и чаще убеждался в том, что мои кригскамрады пошли на эту войну исключительно ради обширных поместий со славянскими рабами, которые выжившим солдатам и офицерам вермахта будут давать после победы. Мне такое счастье и даром не нужно было. Наша семья никогда не числилась среди землевладельцев, и все мужчины нашего рода во время службы существовали на жалованье, а после – на инвалидный пенсион. Или пенсион по смерти главы семьи получали их вдовы и сироты.

Короче, в голове моей нарастал раздрай – русская часть моей личности была готова с кулаками броситься на немецкую.

Не знаю, что со мной было бы дальше. Смерть в бою с большевиками теперь казалась мне достойным способом разрешить все противоречия, не совершая смертного греха самоубийства… И вот тут у нас на пути попалась эта дыра… этот проход между эпохами, который господин Тимофейцев называет порталом. Демократическая Россия, избавившаяся от большевизма и вернувшая себе трехцветный флаг и двуглавого орла, казалась мне чуть ли не воплощением идеального государственного устройства, но все портило то, что между этой Россией и Рейхом вот-вот должна будет вспыхнуть жестокая война на уничтожение – такая же свирепая и беспощадная, какая идет сейчас с русским большевизмом. И пусть в том мире с момента завершения этой войны прошло уже почти семьдесят три года, но русский народ до сих пор не простил нам, немцам, того похода за рабами. Единственным, кто победит в этой войне, будет большевистский тиран Сталин. В этом я полностью согласен с господином Тимофейцевым (пусть он и внушает мне отвращение своим безудержным почитанием всего европейского). Но большинству русских из будущего это бесполезно объяснять – для них этот жестокий и хитрый грузин является воплощением умного и прагматичного вождя.

Не успел я окончательно привести свои мысли в порядок, как к стоянке нашего взвода подъехал гаупман Зоммер и вся гауптманская рать. Я посмотрел на часы. С того момента как портал образовался прямо на наших глазах, прошло чуть меньше полутора часов.

– Итак, мальчики, – устало сказал гауптман, снимая с головы пропотевшую фуражку, – что мы тут имеем?

Лейтенант Рикерт как можно короче и яснее доложил сложившуюся на данный момент обстановку. Гауптман Зоммер очень не любит тех, кто делает многословные доклады без четких и определенных выводов. Вот и в этот раз, выслушав доклад, он переспросил, вложив в свой голос легкий оттенок угрозы:

– Так значит, лейтенант, получается, что все наши знания том мире получены от одного-единственного человека?

– Яволь, герр гауптман, – ответил побледневший лейтенант Рикерт, – но дело в том, что этот господин Тимофейцев только что сам вызвался предоставить нам возможность независимой проверки его слов. Для этого он предлагает использовать его домашнее устройство доступа к тамошней мировой информационной сети, разом заменяющей наши газеты, радио, телефон, телеграф, телекс, почту и кино. Мы как раз планировали собрать и отправить туда группу, и только ожидали вашего разрешения.

– Ну так отправляйте же, Рикерт, черт возьми, наконец эту свою группу, – резко ответил гауптман, но после секундной паузы тут же изменил решение: – Постойте, Рикерт. Вы останетесь здесь за меня, а я пойду туда вместе с вашими людьми. Ведь именно я, а не кто-либо другой, буду докладывать генералу об этом странном деле, и я бы очень не хотел при этом выглядеть дураком, когда выяснится, что я пересказываю чьи-то байки. Вы поняли меня, Рикерт – я сам должен увидеть тот мир и составить о нем собственное представление; так что давайте, выделяйте людей на это задание, и не будем долго размазывать манную кашу по тарелке.

Наш гауптман – храбрый человек, настоящий солдат и авторитетный командир, кроме того, он неплохо владеет английским языком, поэтому он сразу же задал несколько вопросов господину Тимофейцеву, после чего, выслушав ответы, удовлетворенно кивнул, впрочем, не посвящая нас в причины своего удовольствия.

И тут наш лейтенант меня ошарашил, сказав, что на это задание пойдет именно мое второе отделение. Во-первых, люди унтер-фельдфебеля Краузе находятся на той стороне портала больше полутора часов, они устали и замерзли, и им нужна смена; а во-вторых – тут, кроме меня, никто не понимает этот ужасный русский язык, а потому я должен поторапливаться, поскольку гауптману Зоммеру в скором времени надо будет делать доклад нашему дорогому генералу.

Ну что же поделаешь… Надо так надо. Тем более что таким образом я смогу больше узнать о той России, которая находится там, в будущем, на другом конце портала….

* * *

20 апреля 2018 года 04:05. Брянская область, Унечский район, автодорога местного значения Унеча – Сураж, межвременной портал в окрестностях поселка Красновичи.

Максим Алексеевич Тимофейцев, либеральный журналист и модный блогер.

Когда мы через эту дыру въехали обратно в наше время, я посмотрел на часы. На все про все у нас с немцами было примерно сорок пять минут. Потом начнет светать, еще через полчаса взойдет солнце – и тогда немцы со своей формой и бронетранспортерами станут заметны, как голые геи на Красной площади. Ладно, в Кучме почти никто не живет, кроме нескольких стариков, но от этой межвременной дыры до окраины Красновичей около полукилометра, а если она там, у нас, такая же высокая, как в сорок первом, то видеть ее верхушку смогут даже из райцентра…

Ну ладно, сегодня не смогут – помешают низкая облачность и дождь, на фоне которого это неестественное образование покажется еще одним низким облаком. Но вот в ясную погоду такое странное атмосферное явление будет видно издалека. Если даже не заметят самих немцев, то лежащее на земле неподвижное облако привлечет внимание кучи народу. Не пройдет и пары дней, как эти Красновичи будут просто кишеть коллегами-журналистами, УФОлогами, любителями всякой паранормальщины и просто учеными, заинтересовавшимися странным явлением. Но это только в том случае, если все пройдет тихо, немцев не заметят и все обойдется без стрельбы.

Случись один только выстрел и тут закрутится такая свистопляска, что и чертям тошно станет. Километрах в пятнадцати от Красновичей, за Унечей, у поворота на шоссе А-240 Гомель-Брянск, справа от дороги расположена довольно большая воинская часть, полк или что-то вроде того. Как я слышал, сейчас по причине наличия по соседству воинственной незалежной Украины воинским частям, расположенным в приграничной полосе, объявлена повышенная боевая готовность. Если тут начнется хоть какая-нибудь стрельба, эти архаровцы не будут разбираться, кто прилез по их душу – немцы из сорок первого года, или правосеки из две тысячи восемнадцатого, и примутся воевать тут со всей дури – так, что никто не уцелеет. Конечно, потом набегут наши правозащитники и примутся всячески стыдить и урезонивать нашего старого-нового президента, но будет уже поздно. Не помогут даже Европа и Америка – они вряд ли захотят встревать в войну на стороне Гитлера, тем более что эта война будет идти только на территории России. Так что, если мы хотим чего-то добиться, то

немцам стоит вести себя тихо и раньше времени не выдавать своего присутствия.

Первым делом немецкий бронетранспортер подъехал к моей застрявшей в грязи машине. Солдаты ловко зацепили буксировочный трос – и Ганомаг с легкостью выдернул мою Тойоту из раскисшей земли. Я сел за руль, один из солдат на пассажирское сиденье – и мы поехали дальше. Когда мы подъехали к арендуемому мной домику и вышли из машин, я по-английски высказал свои мысли гауптману Зоммеру, который, как сказал унтер-офицер Николай Шульц, был начальником разведки танковой дивизии[1 - Начальник разведки – это неточный перевод. Русский язык Шульц слегка подзабыл. На самом деле гауптман Зоммер является командиром разведывательного батальона, входящего в состав танковой дивизии – а это совсем не одно и то же.].

– Гут, молодой человек, – ответил он мне, оглядываясь по сторонам, – быть может, ты прав, а может, и нет; но мы в любом случае не собирались понапрасну поднимать тревогу среди местных. А теперь веди нас в дом, и давай показывай, где этот твой «интернет». Давай, мальчик, шевели ногами и двигай вперед, время не ждет.

Сказав это, гауптман (а вроде бы образованный человек, английский язык знает) не сильно, но очень обидно толкнул меня ладонью в спину. Этот жест, показывающий, как на самом деле ко мне относятся эти немцы (разве что за исключением господина Шульца) что-то сдвинул в моем восприятии той ситуации, в которую я попал совершенно случайно, без всякого желания с моей стороны. Да, за хорошее место в обществе и приличное денежное вознаграждение я готов служить любому иноземному захватчику, группе заговорщиков или банде Путина (да только меня туда никто не собирается брать). Пофиг на моральные соображения, самое главное – материальная составляющая!

Ну, я и повел немцев в свой дом, начиная подозревать, что зря я так к ним с открытой душой, и что они никакие не просвещенные демократы, которые должны принести нам свободу, а совсем наоборот; и поэтому я влип в очень неприятную историю. Но и немцы пока тоже не знают, с кем связались. Я их счас так запугаю мощью нашей армии, что они с визгом сбегут обратно в свой сорок первый год. По крайней мере, не помешает при разговоре немного сгустить краски. Я же все-таки неплохой специалист по пиару. Даже если ничего не выгорит, то попытаться стоит.

* * *

Тогда же и там же.

Унтер-офицер вермахта Николас Шульц, он же Николай Максимович Шульц.

Домик в деревне, о котором говорил господин Тимофейцев, оказался обычной для России изрядно обветшавшей пятистенной избой. В дальней комнате стояла большая деревянная кровать и стол с той самой аппаратурой, которая, по словам ее хозяина, служила ему для связи с окружающим миром. Ближняя же комната использовалась как кухня и столовая. С первых минут в этом жилище бросалась в глаза смесь обыденных для нас вещей и того, что выглядело фантастическими чудесами техники. Например – потемневшие от времени деревянные стены (так что они выглядят почти черными) и электрическая лампочка неизвестного типа, дающая ярко-белый свет. Печь в половину комнаты была вполне обычной конструкции для таких русских изб, а питающуюся от баллона с пропаном газовую плитку для варки еды частенько можно было встретить и в немецких домах. Но вот та техника, что стояла в дальней комнате, была крайне далека от всего привычного – и по конструкции, и по дизайну. А уж когда господин Тимофейцев ее включил…

Гауптман Зоммер, который также, как и я, в свое время учился в университете (но только на инженера, а не на филолога) попробовал расспросить господина Тимофейцева о принципах работы этой аппаратуры, но уже на втором десятке слов потерял нить его рассуждений. Во-первых – наука за эти годы ушла далеко вперед и многое из того, что было очевидно даже местному гуманитарию, просто не укладывалось в голову германского инженера нашего времени. Ну как можно себе представить целый рой околоземных сателлитов, кружащихся вокруг нашей планеты в космическом пространстве для того, чтобы обеспечивать людям связь, вести метеорологическую и обычную военную разведку, исследовать ее недра, какими-то неизвестными нам способами и изучать дальний космос при помощи особо мощных телескопов, которым больше не мешает земная атмосфера…

Оказывается, для здешних русских такие полеты – обыденность, более того, в этом космическом деле именно они лучшие во всем мире, и поэтому он работают космическими извозчиками, за немалые деньги выполняя пилотируемые полеты

и отправку сателлитов на орбиту. Иллюстрируя свои слова, Тимофейцев даже показал нам кусочек цветного документального кино необычайной четкости, иллюстрирующее запуск русской ракеты с космодрома «Восточный» где-то далеко в Сибири. Мы увидели сокрушающую мощь гигантских двигателей, в реве и грохоте поднимающих огромную ракету в небо на столбе бушующего огня. Это было феерично, впечатляюще и немного устрашающе.

Гауптман Зоммер вполне резонно спросил, могут ли эти ракеты использоваться для каких-нибудь других целей, кроме запуска связных и разведывательных сателлитов – к примеру, военных. И оказалось, что могут – и даже так, что они способны уничтожить все живое по нескольку раз. И снова наш любезный хозяин поставил нам кусочек фильма, показывающего испытания ракетного боеприпаса мощностью в несколько десятков миллионов тонн тротила. Это было нечто ужасное. Даже обычно невозмутимый гауптман Зоммер, курящий одну хозяйскую сигарету за другой, на мгновение потерял дар речи. Понятно, почему тут уже почти восемьдесят лет не было больших войн. При наличии такого оружия, гарантирующего воюющим взаимное уничтожение, никто просто не рискнет начинать боевые действия. По счастью, запустить такую ракету через имеющуюся у нас межвременную дыру, скорее всего, не представляется возможным, поэтому наш Фатерлянд пока может не опасаться ударов сверхдальнобойных и сверхразрушительных снарядов по своей территории.

Оторвавшись от этого ужасающего зрелища, мы вдруг увидели, что пока мы развлекались, даже ни на йоту (за некоторым исключением) не ознакомившись с возможностями и особенностями этого ужасного мира будущего, за окном уже успел наступить серый призрачный рассвет. Подзаправившись отличным растворимым кофе и бутербродами из запасов нашего любезного хозяина, мы с его же помощью принялись метаться по огромным массивам информации, доступным любому желающему. При этом мы пытались ухватить детали истории, военной техники, а также тактики и стратегии нашей войны, так злосчастно проигранной Рейхом, при этом стараясь не упустить и те моменты, которыми этот мир может грозить нашему любимому Фатерлянду.

Дело это было небыстрое, но нам требовалось поторапливаться – с рассветом выяснилось, что с этой стороны межвременная дыра тоже выглядит как лежащее на земле облако, но только не белое, а черное, как ночная мгла. И только сверху этого приплюснутого чернотуманного блина курился легкий парок, как над горячим источником холодным зимним днем. В любом случае, такое чудесное явление природы никак не сможет пройти мимо внимания

местных зевак, а также тех организаций, которым явлениями природы приходится заниматься в силу своей специализации.

Господин Тимофейцев записывал всю информацию по найденным нам материалам на маленькие устройства, именуемые флешками – их потом можно будет проиграть с помощью небольшого походного устройства, которое он собирался захватить с собой в наше время. Это просто уму непостижимо – что в этой малютке размером с мой мизинец, может уместиться содержимое Большой Британской Энциклопедии. Шло время, бежали по циферблату часов стрелки, продолжались и наши поиски. Гауптман Зоммер, не отрывая взгляда от экрана, бегло просматривал найденные господином Тимофейцевым документы и материалы, и распоряжался, что отбросить в корзину, а что непременно следует записать и взять с собой. При этом он курил одну сигарету за другой, время от времени хриплым голосом подстегивая нашего хозяина к дальнейшим поискам.

Чем больше мы погружались в это дело, тем глубже понимали, что попали туда, где все дела делаются с ужасающей быстротой. Когда фюрер выдвинул свою теорию блицкрига – то есть молниеносной войны – то казалось, что за вермахтом навсегда закрепилось звание короля скорости. Мы были быстрее всех своих противников и в Польше, и во Франции, и при нападении на Совдепию – и именно поэтому мы нападали, а они были вынуждены отчаянно защищаться. Но тут все было наоборот. Местная русская армия тоже была невероятно быстра, по крайней мере, незасекреченная информация гласила, что при большинстве учений отрабатывалась именно скорость перемещения и выполнения задачи. К тому же их танки на одной заправке могли пройти вчетверо дальше наших, были почти неуязвимы для огня наших танковых и большинства противотанковых орудий, а снаряд из их пушки мог с легкостью пробить четыре наших танка насквозь.

Кроме того, мы узнали, что местные русские возвели танковую войну в ранг спорта, назвав ее танковым биатлоном. Что удивляло – так это странная структура их армии, тоже доступная любому желающему из открытых источников. В местной русской армии имеется относительно немного солдат, но зато огромное количество панцеров – почти двадцать тысяч единиц. Причем большинство из этих машин относятся к классу основных боевых панцеров, которые в наших условиях считались бы тяжелыми или даже очень тяжелыми. Кроме этого, в запасе у местной армии было множество колесных и гусеничных машин для перевозки и поддержки в бою моторизованной пехоты – их общее количество, как мне кажется, не уступало общему количеству панцеров. В

сочетании с большим количеством самоходной артиллерии на танковых шасси это обеспечивало местной армии просто огромную пробивную мощь и потрясающую маневренность. Скорее всего, нам самим предстояло убедиться в этом в самое ближайшее время.

Впрочем, помимо военного дела, был еще один аспект, которым мы не могли не поинтересоваться. Но это знание принесло нам одни сплошные разочарования. Я имею в виду информацию о том, каким наш Фатерлянд стал в этом будущем к 2018 году. Ведь даже если я русский немец, но я все равно немец – судьба Германии меня волнует не меньше, чем судьба России, а то, что мы узнали, повергло нас с гауптманом в состояние глубочайшего пессимизма. Германия, которая внешне выглядела процветающей страной с богатым населением, на самом деле была унижена и растоптана хуже, чем после так называемых Версальских соглашений.

Приезжие из арабских и африканских стран насилуют немецких женщин прямо на улицах, и если не насилуют, то распускают руки и не дают прохода, а немецкие мужчины не в состоянии защитить своих матерей, сестер, жен и возлюбленных. Кроме того, Германии запрещено иметь какие-то собственные государственные интересы, за исключением интересов поработивших ее американских плутократов. Германия тратит огромные деньги, чтобы кормить неповоротливый аппарат надгосударственной общеевропейской бюрократии, и в ответ на это получает визгливые истерические указания, с кем ей стоит иметь экономические связи, а с кем нет. И самое главное заключается в том, кто это визжит – битые нами Польши, Норвегии, Франции, Бельгии и Голландии. И в то же время рейхсканцлером Германии работает жирная мерзкая баба, при одном взгляде на которую приходит мысль, что таким место не в политике, а на кухне, среди горшков и сковородок… Неудивительно, что в Фателянде все так плохо, как не было даже во время Веймарской республики.

Да, кстати, ни один из наших солдат не имел права заходить в ту комнату, в которой находилась техника, необходимая для доступа к этому интернету – поэтому все, что мы узнали, должно было остаться среди нас. Если такая информация разойдется по солдатам, то их боевой дух сильно упадет. Ибо зачем нам сражаться, если победа врага все равно предопределена, а магистральный путь истории ведет наш поезд в тупик, из которого, кажется, нет выхода.

Если вы думаете, что это самая ужасная ситуация, то вы ошибаетесь. Когда наши изыскания в мутных водах этого так называемого интернета были в

разгаре, и гауптман Зоммер хотел взять с собой все, и даже больше, чем все – вдруг совсем рядом с домом, гулко прогрохотала длинная пулеметная очередь, а через некоторое время за ней еще одна, уже покороче. Стреляли явно из нашего МГ, да и других пулеметов поблизости быть было не должно. Гауптман Зоммер с руганью выскочил во двор, где выяснил, что рядовой Ганс Мелцер, пулеметчик с нашего бронетранспортера (который мы поставили возле мостика чрез небольшой ручей), обстрелял русскую полицейскую машину, ехавшую к дому господина Тимофейцева. Говорит, что у него не выдержали нервы. Ничего, в штрафной роте ему нервы-то подлечат.

Много раз я убеждался, что русский язык по части ругани значительно превосходит немецкий. Вот и сейчас командир нашей роты, даже в состоянии сильнейшего эмоционального стресса, не смог выдавить из себя ничего, кроме дюжины свиноголовых собак и десятка набитых дерьмом голов. Бедновато, однако, на фоне того, что должно было начаться в ближайшее время – ибо машина, у которой оказалось разбито лобовое стекло, бодро развернулась почти на одном месте и шустро, будто водителя подгоняли черти, умчалась обратно, в сторону Красновичей. Это происшествие подсказало нам, что наше присутствие обнаружено местными властями, представителя которых мы обстреляли, и теперь следует ждать принятия ответных мер.

Но, видимо, сегодня голова дерьмом была набита не у одного нашего Ганса. Не успели мы как следует отругать его, приказать удвоить бдительность и не поддаваться на провокации, пока мы собираем тут манатки на выход, как из черного облака показалась колонна грузовиков с эмблемами нашей дивизии. Чуть позже выяснилось, что мой заместитель, ефрейтор Кляйн, услышав стрельбу, сообщил о ней по телефону лейтенанту Рикерту, которого как раз в этот момент допрашивал по поводу межвременной дыры генерал Модель, только что вместе со своим штабом добравшийся до Красновичей. Полк моторизованной пехоты – это как раз его вклад в общую неразбериху.

* * *

Тогда же и там же.

Максим Алексеевич Тимофейцев, либеральный журналист и модный блогер.

Едва немцы встревоженными котами выскочили за порог, я тут же схватился за клавиатуру. Пришло время бросить в их суп небольшого, но очень вонючего дохлого кота. Раз уж они считают меня не добровольным сотрудником, которого требуется уважать, а военнопленным, о которого можно вытирать ноги, то пусть знают, с кем связались! Я им сейчас устрою диверсию мирового масштаба. Быстро, пока ни тот, ни другой не успели вернуться, я включил Аську и отправил по разным адресам несколько сообщений.

Одно – в редакцию НТВ (где у меня есть определенные завязки) о том, что здесь, в Красновичах, есть совершенно убойный сюжет. Я им уже подкидывал работенку, так что меня там должны хорошо помнить. Если НТВ пришлет сюда съемочную группу, то я нагажу сразу и немцам, и ботоксному карлику, чтобы у него не было простора для маневра. А то у него еще хватит ума сговориться с фашистами за нашей спиной – ведь диктатор всегда помогает диктатору. Сообщение о том, что здесь творится, должно как можно громче прогреметь в независимой прессе и как можно шире разойтись по интернету.

Другое послание я отправил своей девушке Марине. Ну как своей – встречаемся иногда, ведь ничто человеческое мне не чуждо, как и ей тоже. Короче, связь у нас чисто сексуально-эмоциональная, поскольку я тусуюсь на одной стороне Луны среди заядлых оппозиционеров, а она на другой, то есть среди верных запутинцев. Я уже давно уговаривал ее бросить эту дурь, но она хранит идеологическую верность господину Пу, и в постели ласково называет меня своим маленьким несогласным. Еще у нее есть одно замечательное свойство – она всегда до конца выслушивает все мои, как она говорит, бредни. Правда, потом, выслушав мои дифирамбы Великой Америке и продвигаемым ею либерализму и демократии, она в пух и прах разносит все мои умственные построения несколькими, как ей кажется, неоспоримыми аргументами.

Мой отъезд в творческий отпуск она приняла спокойно. Я и не рассчитывал, что к своему возвращению застану Маринкину постель пустой, но она пока хранила верность именно мне. Один раз за все это время встретились в Москве, и два раза она приезжала на поезде ко мне в деревню на несколько дней – побродить по весеннему лесу, послушать чирикающих птичек и позаниматься со мной сексом на настоящей русской печи. Она у меня отвязная и совершенно бесстыжая. Но в данном случае она была ценна для меня мне не своими сексуально-эмоциональными свойствами, а связями в патриотическо-запутинской тусовке, и еще своим папой – армейским генералом, который мог бы хорошенько колыхнуть местное армейское болото. Пусть повоюют немного, а то

эти бездельники только зря жрут свои усиленные пайки и изнашивают фильдеперсовую форму от Юдашкина.

Еще несколько посланий я отправил своим друзьям и знакомым, чтобы они как можно шире разнесли их среди широких кругов общественности по обе стороны фронта. Пусть даже кто-то будет за немцев, как я в начале. Плевать! Самое главное – успеть поднять как можно больше шума. Пусть все знают, что злобный враг уже стоит у ворот, а то эти немцы по-хозяйски расположились у меня дома, хлебают мой кофе, жрут мою колбасу и нагло курят мои сигареты. А я за своевременное предупреждение кого надо, глядишь, еще и орден заработаю, за заслуги перед Отечеством. Для этого надо будет только суметь своевременно слинять от этих поганых фашистов, и при этом не попасться совкам из того мира. Они моментально поставят меня к стенке как классово чуждый элемент.

* * *

20 апреля 2018 года 09:35. Брянская область, Унечский район, поселок Красновичи.

Антон Васильевич Агапов, майор полиции и старший участковый Красновичского сельского поселения.

Утром, не успел я прийти на службу, а у администрации меня уже ждал опирающийся на свою палку дед Михалыч… Этого персонажа с подведомственного мне хутора Кучма, старого как Мафусаил, известного борца за справедливость и порядок, знала вся округа. Не было такой дыры в районе, в которую ушлый дедок не сунул бы свой нос в поисках неустройств и беспорядка, доставляя немало хлопот как разным незаконопослушным гражданам, так и служителям порядка вроде меня. По большей части он только мешал нашей работе (а дилетанты всегда мешали и будут мешать профессионалам), но, честно сказать, будет очень жалко, когда этот беспокойный и неуемный, почти девяностолетний одинокий старик отойдет наконец от нас в мир иной.

Обычно это шебутной дед не боялся никого и ничего, но сегодня он был явно напуган.

– Слышь, товарищ майор, ЧэПэ у нас, понимаешь… – угрюмо сказал он мне, против обыкновения даже не поздоровавшись, – опять на нас немцы напали.

– Какие такие немцы, Мыхалыч, и на кого они напали? – не понял я сути вопроса. – Быть может, ты с немецкими туристами чего не поделил?

– Какие туристы, товарищ майор, окститесь, – обиделся старик, – обыкновенные немцы напали, которые фашисты. Я тогда пацаном был, а этих тварей хорошо запомнил. И запашок их специфический, и речь гортанную, будто гуси за речкой гогочут. Осемь годков тогда мне было, но страху натерпелся на всю жизнь. А ты говоришь, туристы…

Сказав это, он вдруг замолчал и испытующе посмотрел в мою сторону.

– Да ты, товарищ майор, поди, еще ничего и не знаешь? – произнес он после не очень продолжительной паузы. – Скажи, ты какой дорогой сегодня на службу ехал?

– Какой, какой, – раздраженно ответил я, – обыкновенной, как каждый день. Но всяко не мимо вашей несчастной Кучмы!

– Вот в этом все и дело, – Михалыч ткнул в небо сухим прокуренным пальцем, – ехал бы мимо нас, так знал бы, что нас посетило невиданное явление природы, похожее на упавшее на землю большое черное облако. Вот оттуда эти фрицы и вылезли.

Я с сожалением посмотрел на старика. Я-то думал, что его на почве его склочности хватит Кондратий, а к нему тихо, бесплатной квартиранткой, подселилась веселая тетка Шиза. Натерпелся страха на всю жизнь, и теперь ему вместо зеленых чертей повсюду будут мерещиться немецко-фашистские захватчики.

– Не веришь, – вздохнул дед, – ладно, официально тебе заявляю, могу даже в письменном виде, о том, что во дворе у моего соседа, московского туриста, седни ночью видел несколько человек, одетых в немецкую военную форму, и с оружием, которые между собой гуторили по-немецки. Еще я видел два бронетранспортера – один возле черного облака, а один возле дома того дачника. Если моя информация не подтвердится, черт с ним, можешь

привлекать меня за ложный донос, клевету и все прочее, что положено в таких случаях. Я старый, мне уже все равно. Но людей-то жалко. Фашисты опять пришли, а они ничего не знают…

И тут я понял, что отвяжусь от назойливого старика только в том случае, если поеду с ним в эту Кучму, посмотреть на его «фашистов». Скорее всего, это реконструкторы с муляжами винтовок, хотя в любом случае, если эти люди находятся на моей территории, я должен знать, кто они такие и чем дышат.

– Ладно, Константин Михалыч, – сказал я, – заявление писать не надо. Потом напишешь, если что, а сейчас садись в машину, и поедем, посмотрим на твоих немцев.

– Ты это, майор, – с сомнением сказал тот, – хоть автомат с собой возьми и кого-нито из своих архаровцев, а то, неровен час, твой пистолет против их винтовок будет просто плюнуть и растереть.

– Так я же с ними не воевать собрался, – как маленькому объяснил я Михалычу, – я же все-таки участковый уполномоченный, а не какой-нибудь армейский майор… Мое дело – задерживать преступников и поддерживать порядок.

– Дурак ты, майор, прости господи, хоть и большой вырос, – со вздохом ответил дед, – ну чисто как хохол – пока не помацаешь, не поверишь. Немцы же, тебе говорят, там, которые фашисты! С ними только воевать, по-другому никак.

Михалыч меня уболтал и, несмотря на все мое неверие в «фашистов», я приказал помощнику участкового сержанту Васе достать из оружейного ящика две «ксюхи» и подсумки с магазинами, после чего присоединяться к нашей честной компании. Сержант Вася у нас ну просто красавчик с плаката. Представьте себе – парень два метра ростом и спортивной фигурой, да и лицом из себя недурен, натуральный блондин, кровь с молоком – так что весь женский пол в округе, как и заезжие туристки, от него просто млеют и тают. Но самое главное его свойство – это широкие плечи, здоровенные кулаки и добрый взгляд голубых глаз, из-за чего даже завзятые бузотеры в Васином присутствии соглашаются жить дружно. На хозяйстве остался второй мой помощник сержант Сергей и делопроизводительница Анюта, которым я приказал паники пока не поднимать, никуда не звонить и никому ничего не сообщать. Мол, мы сначала сами во всем разберемся и внесем ясность.

Короче, так втроем и поехали. Я сел за руль, Михалыч, как проводник, на пассажирское место, а Вася вместе с автоматами и прочей снарягой разместился на заднем сиденье. Навьючивать все это на себя, чтобы походить на ряженых, не хотелось. Хотя у меня в прошлом, в молодые годы, были командировки на Кавказ, да и Вася во время своей срочной службы тоже не генеральские дачи строил. Опыт, как говорится, не пропьешь, хотя в изложенных Михалычем немцев-фашистов нам откровенно не верилось. Если бы верилось, то я бы не стал так подставляться и повел бы себя совершенно по-иному…

Все эти наши разговоры в пользу бедных, конечно, отняли много времени, так что выехали мы только около десяти часов. Ехать нам предстояло километра четыре – то есть, с учетом плохой видимости, дождя и скользкой дороги, на дорогу предполагалось потратить не больше пятнадцати минут. Еще с дороги Унеча-Сураж, при подъезде к повороту на Кучму, с левой стороны, через хмарь и морось стали прорисовываться контуры лежащего прямо на земле огромного черного облака, похожего на застывший в воздухе дым от горящих покрышек. Очень странное, скажу я вам, облако – я даже и не знал, что сказать. Никогда не видал подобного. Однако недоброе предчувствие уже закралось в мое сердце, и я молча вглядывался в странное явление, пытаясь понять, что же это может быть.

Сержант Вася, напротив, коротко, но емко выразился несколькими чисто русскими непечатными выражениями, а потом сказал, что если Михалыч не соврал нам в своем рассказе, то эта штука должна быть ничем иным, как межвременным порталом, через который к нам сюда лезут немцы из времен Великой Отечественной. Вася у нас фантазер – то есть любитель фантастики – запоем читает разные книжки про то, как наши парни попадают на ту войну и лихо крошат разных фашистов. «Эх, товарищ майор, хочу туда, на войну, сражаться за Родину, а не разбирать подробности пьяной драки на школьной дискотеке» – говорил он мне во времена приступов душевной откровенности. Вот, блин, еще один опоздавший родиться человек. А мне и в своем времени неплохо – главное, как следует делать свое дело, и Родина тебя не забудет.

Повернув с главной дороги в сторону Кучмы, мы проехали еще метров восемьсот. И тут нас обстреляли из пулемета. Это было так неожиданно, что мы все оторопели. Впереди в серой дождевой мути, багровой бабочкой трепетало дульное пламя, очередь грозно выговаривала «та-та-та» – и все это выглядело чудовищно нереалистичным здесь, на мирной земле Брянщины… Из моего рта непроизвольно плотным потоком вырвались самые грязные ругательства. Да что

же это за чертовщина такая?

Огонь велся прицельно с дистанции метров в триста. Поэтому прежде чем я успел что-то сделать, несколько пуль ударило в капот, лобовое стекло – пробитое в нескольких местах, оно брызнуло осколками; а позади меня охнул и выматерился сержант Вася – очевидно, его зацепила одна из этих пуль. Например, та, что свистнула совсем рядом с моим ухом. Полицейский Форд «Фокус» – это все-таки не бронетранспортер. Тело само вспомнило опыт прошлых кавказских командировок – руки до упора вывернули руль, а нога до предела вдавила педаль газа – и Форд, визжа шинами по мокрому асфальту, заложил крутой полицейский разворот с заносом, после чего на полном газу принялся уносить наши задницы из этого опасного места.

Кто бы там ни был – немцы-фашисты или кто-нибудь еще, вроде залетных правосеков, – но эти гады сразу открыли огонь на поражение, даже не попытавшись вступить в переговоры, а потом еще и пытались стрелять нам вдогон. Но к тому времени как пулеметчик дал вторую очередь, мы уже скрылись за поворотом обсаженной деревьями дороги. Я подумал, что Михалыч, пожалуй, не спроста так беспокоился, и что мне надо обязательно перед ним извиниться и поблагодарить за бдительность… Но это потом, когда мы выберемся туда, где нас не достанет этот гребанный, неизвестно откуда взявшийся, пулеметчик, а пока же у меня есть более насущные заботы. Из-за разбитого несколькими пулями, помутневшего от мелких трещин стекла мне ни хрена не видать дорогу. Втянув кулак в рукав куртки, я, одной рукой держа руль, привстал на сиденье и несколько раз ударил по лобовому стеклу, отчего оно, выпав наружу, рассыпалось мелкими кубиками. Видимость сразу улучшилась, но вместе с тем в салон ворвался холодный сырой ветер пополам с каплями дождя. «Ипическая сила, – подумал я, отворачивая от ветра лицо и отплевываясь от бьющей в лицо рот и нос дождевой воды, – в такую погоду без лобового стекла можно ездить только в акваланге».

Кроме разбитого лобового стекла, у нас еще был пробит радиатор, продырявлены оба передних ската, которые держались только на автоподкачке, зеркало заднего вида показывало только муть трещин на заднем стекле. Скорее всего, имелись и другие повреждения. От пулеметчика, цирроз ему в печенку, мы ушли, но из-за полученных повреждений, проехав еще пару километров, мой «Форд» наверняка встанет. При этом в первую очередь (благо рация и телефоны уцелели), требовалось доложить начальству обо всем произошедшем. Но как о таком докладывать?! Если я начну излагать события в том же стиле, в каком

Михалыч рассказывал мне о «напавших немцах», то меня также сочтут сумасшедшим, или, в лучшем случае, пьяным.

Нет, мы пойдем другим путем. Доложим о появлении в районе крупной банды неизвестного происхождения с пулеметами и бронетехникой. Пусть вызывают сюда Росгвардию и армейцев, и те уже пусть сами воюют, а потом разбираются по останкам, кто это к нам прилез. Кстати, погони позади нет, мотор пока тянет, так что пришло время извиниться перед Михалычем за проявленное недоверие…

– Эй, Михалыч, – сказал я, – ты меня прости, если что, за то, что не поверил тебе. Кто же знал, что так получится?

Но Михалыч молчал. Повернув голову, я увидел, что ему мои извинения были уже ни к чему. Если просвистевшая у меня над ухом пуля попала сержанту Васе в плечо, то другой пулей дед был убит наповал, прямо в грудь. Вот же черт! Да, жаль старика. Это же надо – прожить такую длинную жизнь, пережить в детстве войну, дождаться второго пришествия фашистов, и в самом его начале погибнуть от их руки. Так фашисты это или нет? Неужели прав Вася – и эти гады явились сюда из Великой Отечественной? Эх, Михалыч, Михалыч, а я-то думал, ты в рассудке повредился… Теперь почти уверен, что это и вправду фашисты.

«Форд» с перегревшимся из-за пробитого радиатора мотором встал намертво как раз у поворота на Красновичи. Вася сам выбрался из машины, и я перевязал ему плечо индивидуальным пакетом из машинной аптечки. Санитарную сумку мы, болваны, с собой не взяли, да и кто же мог знать, что все так обернется. И вот тут, на отходняке от стресса, меня затрясло по-настоящему. Откуда же эти долбанные твари с пулеметами, или что у них там еще есть, взялись на наши несчастные головы? Живешь тут, живешь, тащишь службу по закону как положено, без единого замечания или чрезвычайного происшествия, и тут на – пулемет на твою голову, чтобы он был неладен!

Начальству уже было доложено, что мы с сержантом Васей ехали проверять заявление местного жителя о подозрительных чужаках, и на подъезде к хутору Кучма нарвались на неизвестную банду. В качестве доказательств, я даже скинул полковнику через «телеграмм» несколько фоток своей раскуроченной пулеметной очередью машины, раненого сержанта Васи и сидящего на переднем сиденье трупа местного жителя Константина Михайловича Тягунца, 1933 года рождения, русского и беспартийного. Пусть знают, как мы тут воюем. После получения фотографий полковник сразу стал любезен, отечески сказал:

«ну вы там держитесь, помощь скоро будет», после чего отключился, видимо, для того, чтобы начать вертеть бюрократические шестеренки. В ожидании вторжения банд с украинской территории нас давно готовили к чему-то подобному, и поэтому особого удивления начальство не выказало.

– Вот, Вася, – сказал я, отключившись от связи, своему морщащемуся от боли помощнику-сержанту, – хотел на войну, распишись и получи. Не знаю, кто это там был, действительно немцы-фашисты, или банда правосеков, как я доложил начальству, но только убивают они по-настоящему – вот можешь спросить у Михалыча, он тебе расскажет. А пока сиди тут и жди обещанной начальством помощи, потому что двумя «ксюхами» мы с тобой много не навоюем.

Первой помощью от товарища полковника, прибывшей к нам из Унечи через полчаса после доклада начальству, были два экипажа ДПС. Увидев мою искореженную тачку, раненого Васю и убитого наповал Михалыча, ДПСники на некоторое время выпали в осадок, но достаточно быстро взяли себя в руки. Что они, трупов не видели? Между прочим, за год на дорогах страны гибнет примерно столько же народу, как во время той войны в крупной наступательной операции. На одной машине я отправил раненого Васю в районную больницу, а другой экипаж остался дежурить вместе со мной на дороге у поворота на Красновичи. Несмотря ни на что, требовалось продолжать наблюдать за развитием ситуации и обо всем докладывать начальству. Банда неизвестной численности – она и есть банда, тем более что на вооружении у бандитов имеется как минимум один пулемет.

За это время дождь стих, туманная дымка рассеялась, видимость улучшилась, и черное облако хорошо стало видно даже с того места, где мы сейчас находились. А ведь утром, когда я ехал на службу, там ни черта невозможно было разглядеть, кроме тумана и пелены дождя.

То, что это странное черное облако приобрело хорошую видимость, это только полбеды, хуже было то, что возле него даже невооруженным глазом наблюдалось очень нездоровое шевеление. У ДПСников имелся при себе полевой бинокль, и в него хорошо было видно, как из черного тумана выезжают большие грузовики, останавливаются, и с них спрыгивают на землю солдаты в серых шинелях и характерных касках. Мысли, которыми я тешил себя еще час назад, показались мне до невозможности смешными. Реконструкторы, значит, мля. Ипическая ты сила – да этих козлов там, наверное, не меньше полка… Очевидно, что не только мы видели их, но и они нас, потому что солдаты в серых шинелях

довольно споро отцепили от грузовиков несколько небольших, буквально игрушечных, пушечек и без лишней суеты развернули их в нашу сторону.

Не прошло и пары минут, как одна из пушечек сделала первый выстрел, снаряд которого разорвался по ту сторону от дороги. Ну ни хрена себе рокамболь! Только этого нам и не хватало. Действительно, война пошла не по-детски и правосеками тут и не пахнет. Еще один снаряд взорвался с недолетом – и старший ДПСник сказал, что я как хочу, а он не будет стоять и ждать, пока нас тут накроют. Прошлось резво прыгать в его машину, которая тут же сдала назад. И вовремя. Следующие снаряды начали рваться на шоссе, но мы к тому времени уже ушли туда, где дорога проходила через лесной массив и артиллеристы врага потеряли нас из вида. А вот моему «Форду» досталось еще раз – прямым попаданием фугасного снаряда – после чего он превратился в изуродованную груду металлолома. Там же, среди обломков, осталось и тело погибшего старика Михалыча.

После этого у меня не осталось никаких сомнений в том, что ситуация сложилась самая чрезвычайная, и я позвонил руководителю Красновичской администрации, господину Приходько, и объявил ему, что Красновичи необходимо немедленно эвакуировать. В ближайшие часы, когда наши доблестные армейцы пинками начнут загонять этих мразей обратно – туда, откуда они и пришли – эта местность превратится в поле ожесточенного боя, и потенциальные заложники при этом будут только мешать. При этом я сказал этому Приходько, что дорога Унеча-Сураж простреливается бандитами, и в ближайшее время может быть ими оседлана, поэтому эвакуацию необходимо проводить в обход по старой просеке через Воробьевку, и в первую очередь пусть выводит на просеку школьников, благо они сейчас на занятиях.

Тем более что в Красновичах звуки артиллерийской стрельбы слышны были очень хорошо, и Приходько сам должен был понимать, что эта эвакуация – не учения МЧС. Кроме того, эта канонада хорошо слышна в Унече, и, возможно, в расположенной немного дальше деревне Займище, где уже год находился недавно сформированный мотострелковый полк. Одним словом, кто бы ни влез к нам через эту дыру, он сам сделал все возможное, чтобы на него как можно скорее было обращено самое пристальное внимание со стороны самого серьезного начальства.

* * *

19 августа 1941 года. 18:45. Брянская область, Унечский район, проселочная автодорога местного значения Унеча – Сураж, окрестности поселка Красновичи.

Лейтенант вермахта Карл Рикерт.

Генерал Вальтер Модель со своим штабом подкатил как раз тогда, когда праздник на «той стороне» был в самом разгаре. Я как раз докладывал ему обстановку на вверенном мне участке, когда с той стороны поступило крайне невнятное сообщение обергефрайтера Кречмера, чей Ганомаг гауптман Зоммер оставил возле конца телефонной линии. То ли наших парней обстреляла местная полиция, то ли они сами ее обстреляли. С позиции, на которой стоял Ганомаг, этого было не разобрать, слишком далеко. Но командир нашей дивизии, разгоряченный успехами двух последних месяцев, посчитал, что русские на той стороне этой дыры такие же слабаки, как и на этой – и, не дожидаясь доклада от Зоммера, приказал подошедшему 394-му стрелковому полку оберстлейтенанта Венцеля перейти на ту сторону и занять оборону вокруг пункта перехода, взяв под контроль окрестности. Солдатам было велено надеть шинели и быть готовыми ко всяким неожиданностям. При этом генерал не принял во внимание сообщение местного жителя о том, что большевизм в той России давно пал, и теперь там обычный для европейских стран республиканский строй, с президентом и парламентом. С его точки зрения, это обстоятельство не имело никакого значения.

«В конце концов, лейтенант, – с нервной усмешкой заявил он мне, – в Польше, Дании, Норвегии, Греции, Югославии и Франции тоже не было никаких большевиков, а мы их завоевали; как нет большевиков и в Британии, с которой мы продолжаем воевать по сей день. В этом подлунном мире, мой мальчик, нет никаких истинных законов, кроме права сильных людей убивать любых встреченных ими слабаков и забирать себе их земли, имущество и женщин».

В ответ я только промолчал, хотя мог бы сказать, что, по словам господина Тимофейцева, русские на той стороне совсем не являются слабаками, скорее наоборот. Правда, его слова пока не нашли, так сказать, практического подтверждения, но если он окажется прав, то это мы окажемся слабаками, и именно нас будут убивать; но генерал пока не хочет этого понимать. Мол, сначала надо ввязаться в сражение, а там посмотрим. Этот умник унтер-офицер Шульц рассказывал, что точно также вел себя Наполеон, пока не ввязался в поход на Москву, который и стал началом его конца. Конечно, корсиканский бандит, заделавшийся императором, и его разношерстная армия, собранная по

всем борделям Европы, не идут ни в какое сравнение с гением великого фюрера и непобедимым германским вермахтом, но все-таки после этого происшествия в голову ко мне постоянно закрадывается какое-то непонятное беспокойство. Это же настоящее безумие – без всякой разведки, всего одним пехотным полком вторгаться на территорию страны, о которой мы пока ничего не знаем. Но у генерала от успехов, видимо, кружится голова, и он совсем не осознает того риска, который влечет за собой его решение направить на ту сторону целый мотопехотный полк.

* * *

Тогда же и там же.

Командир 3-й танковой дивизии генерал-лейтенант Вальтер Модель.

Эти тупоголовые бараны никак не могли понять, что вот такой вот туннель в будущее, внезапно образовавшийся на пути нашей победоносной 3-й танковой дивизии вермахта, сам по себе являлся величайшей угрозой для нашей так блестяще развертывающейся операции по сокрушению и окружению большевистского Юго-Западного фронта. Оттеснив большевистские войска на восток на центральном московском направлении, мы тем самым создали разрыв их фронта на нашем правом фланге шириной в двадцать километров, в который после приказа фюрера стальным потоком устремились панцеры нашей второй танковой группы под командованием доблестного Быстроходного Гейнца*. Это же так замечательно – полоса в двадцать километров по фронту, на протяжении которой нет ни одного большевистского солдата, или, по крайней мере, отсутствуют организованные части и соединения.

Примечание авторов: * немецкое армейское прозвище генерала Гудериана.

И вот тут, на самом разбеге, когда мы только настроились остановиться на промежуточном рубеже и подождать приотставшую пехоту, на нашем пути возникает эта соединяющая времена облачная штука, которая может грозить нам неведомыми бедами. А ведь она и в самом деле нам грозит, потому что разведка смогла выяснить, что там, на той стороне этого облака, тоже Россия, только примерно на восемьдесят лет позже. Если мы решим, как и планировали, уходить дальше на юг, то оставим это облако в глубоком тылу, и рано или поздно через него тамошние русские нанесут нам внезапный удар по самому

уязвимому месту, то есть по складам и штабам. Или если мы никуда не уйдем, а окружим эту дыру войсками – сперва моторизованными, а потом и пехотными – после чего будем ждать неведомо чего, то тогда сорвется блестящая операция по окружению сразу нескольких большевистских армий, которые из-за этой задержки получат свободу действий и смогут избежать расставленной ловушки.

По этим причинам я и двинул в туннель 394-й пехотный полк. Во-первых, он должен был обеспечить безопасность действующих там наших разведчиков, собирающих критически важную для Рейха информацию, а во-вторых – создал бы на той стороне этого облака круговую полевую оборону по типу предмостного укрепления. Если действовать по уму, то для того, чтобы создать на том конце устойчивые оборонительные рубежи, туда, в будущее, следовало бы отправить всю мою дивизию, или даже весь наш 24-й моторизованный корпус. При значительном численном превосходстве даже недисциплинированные и плохо обученные солдаты большевиков могут представлять собой серьезную проблему. Но я боюсь, что пока в высоких штабах осознают уровень угрозы и отдадут соответствующие приказы, то время будет уже безвозвратно упущено и нам придется сражаться уже не по ту, а по эту сторону этого странного облака. По счастью, и командир нашего моторизованного корпуса фон Швеппенбург, и сам Быстроходный Гейнц должны прибыть сюда всего через полтора-два часа, так как и штаб корпуса, и штаб танковой группы продвигаются вслед за нашей дивизией по той же дороге, единственной в этих забытых Богом русских краях.

А пока нам необходимо получить с той стороны как можно больше информации. Поэтому вслед за мотопехотным полком я направил в это облако мотоциклетный батальон, до этого момента находящийся в резерве при штабе дивизии, и приказал провести с той стороны тщательную разведку окрестностей этого странного образования. Вряд ли в этом глухом, внутреннем углу России, далеком от всех границ[2 - Модель просто пока еще не проинформирован о событиях 1991 года. Для него Россия – это вся территория бывшего СССР.], в мирное время имеются хоть сколь-нибудь значимые воинские гарнизоны. При этом, отдавая распоряжения командиру мотоциклетного батальона, я не дал ему никаких особых указаний по обращению с местным населением, только предупредил, что на той стороне очень холодно и идет дождь. Поэтому действовать в ходе той разведки мотоциклистам предстояло в соответствии с уже сложившимися в этом отношении практиками и приказами верховного командования по обращению с представителями неполноценных рас и народов, в том числе и распоряжения самого фюрера, которые я всемерно одобряю и поддерживаю.

* * *

20 апреля 2018 года 10:25. Брянская область, Унечский район, окрестности поселка Красновичи.

майор полиции Антон Васильевич Агапов.

Пока господин Приходько чесался и раскачивался, думая, начинать ему эвакуацию Красновичей, или все обойдется, из черного облака начали появляться новые персонажи, передвигающиеся на мотоциклах с колясками и без таковых. Сначала водители и седоки тяжело толкали свои мотоциклы по раскисшей земле до дороги, потом, собравшись кучей, завели моторы и с тарахтеньем покатили в сторону трассы Сураж-Унеча.

А им навстречу, на трассу, а не по просеке, вместе с учителями колонной выходили эвакуируемые детишки из красновичской средней школы. Вот ведь сукин сын Приходько – сказано же ему было, что эвакуация через просеку, а он, наверное, решил, что мы его пугаем и специально взрываем петарды, чтобы было похоже на настоящую войну. Вероятно, он рассуждал таким образом – на просеке сейчас холодно и сыро, кое-где даже наверняка лежит снег; девочки в туфельках и мальчики в ботиночках обязательно промочат там ноги. А по асфальтированной Октябрьской улице очень легко можно выйти на трассу, и через полтора часа быть уже в Унече – это если эвакуацию не отменят в самом начале.

Мотоциклисты в серых шинелях, увидев идущих бесформенной колонной детей, даже прибавили ходу, стремясь поскорее настигнуть и растерзать свою добычу. Эти мерзавцы, не заморачиваясь нравственными терзаниями, открыли по спасающимся детям стрельбу из своих пулеметов. Мы услышали крики боли и ужаса, взвизги, душераздирающий плач – несчастные школьники (а также их наставники) не могли понять, что происходит; шок, растерянность, отчаяние поначалу заставили их метаться на месте, подставляясь под огонь, но инстинкт самосохранения взял свое – и колонна, теперь беспорядочно рассыпавшаяся, бросилась через левую обочину к опушке леса. Мы – то есть я и два ДПСника – попробовали обстрелять уродов, чтобы отвлечь их внимание на себя, но у «ксюхи» (то есть АКСУ) укороченный ствол и огромное рассеивание, а кроме того, мы никогда не думали, что эти автоматы хоть когда-то понадобятся нам в деле. Чертыхаясь, мы пытались хоть как-то помочь погибающим детям. Их крики

разрывали сердце, и в душе поднималось убеждение, что враг, с которым мы столкнулись – враг, чуждый не только нам, но и всему роду человеческому, что это не просто противник, а воплощенное Зло, с которым надо сражаться до последней капли крови. И я ощущал, как ярость кипит в моих жилах, как звенит в голове ненависть, как обостряется мое восприятие происходящего – и я, чувствуя в своих товарищах то же самое, внутренне преображался. Я будто бы становился частью могучей силы – праведной, созидающей, непобедимой…

Но в результате наши усилия оказались тщетными – мотоциклисты, несколько сбавившие ход, увлекшись охотой за беззащитными мишенями, даже как будто и не заметили, что их кто-то обстреливает. Тренироваться, блин, вдребезги и пополам, надо было больше.

И в этот момент над нашими головами раздалось тихое жужжание, словно пролетел шмель. Подняв головы, мы увидели, что это были два сверхмалых разведывательных беспилотника типа «летающее крыло» на электрическом ходу в серо-голубой камуфляжной армейской раскраске. Пройдя над нашими головами, беспилотники разделились. Один направился в сторону того черного облака, а другой заложил пологий вираж над местом побоища, будто стараясь получше разглядеть творящийся внизу ужас. С одной стороны, появление этих маленьких, почти невесомых, аппаратов было хорошим знаком, говорящим о том, что командование мотострелкового полка, стоящего в деревне Займище, уже в курсе происходящего, воочию его видит, и сейчас примет все меры к отражению и недопущению. А с другой стороны, они уже тоже катастрофически не успевают; кровь мирных российских граждан – и даже, более того, наших детей – уже пролилась, и только Бог знает, сколько ее прольется еще.

После того как уцелевшие школьники скрылись в лесу, мотоциклисты снова завели свои байки и двумя группами (три мотоцикла впереди, остальные в двухстах-трехстах метрах позади) на небольшой скорости, оглядываясь по сторонам в поисках новых жертв, двинулись по дороге дальше в сторону Унечи. Они были оживлены и весьма довольны – эти нелюди, только что замаравшие себя кровью невинных детей. Теперь уже нам пришла пора решать, займем ли мы оборону тут на опушке леса, чтобы постараться отвлечь и задержать этих мерзавцев, тем самым дав время армейцам выехать на трассу с задачей хоть на какое-то время преградить этим гадам путь к райцентру. Старший наряда ДПС, старшина примерно моих лет, видимо, тоже побитый жизнью, думал точно так же.

– Значит так, Сергей, – переглянувшись со мной, сказал он своему водителю, совсем молоденькому младшему сержанту, – оставь мне свой запасной магазин, садись в машину и вместе с товарищем майором поезжай в тыл, в Унечу. Доложи начальству, что старшина Иванцов остался прикрывать ваш отход. Но сперва раскатай на дороге «Скорпиона»[3 - Гибкая, сворачивающаяся в рулон, лента с шипами, раскатываемая на дороге и применяемая для прокалывания шин разным правонарушителям, если они не подчиняются требованию инспектора ГАИ/ДПС немедленно остановиться и предъявить документы.]. А то догонят тебя на байках и покрошат на ходу из пулеметов.

– Постой, старшина, – возразил я, – пусть младший сержант уходит один, а я останусь тут, с тобой. Мой это участок, и мне его защищать, понимаешь?!

– Ну хорошо, товарищ майор, – кивнул старшина Иванцов, – это ваше право. Вдвоем и отбиваться будет легче, и помирать веселее…

– Ты погоди помирать, старшина, – ответил я, – мы тут немного повоюем, шугнем этих немецко-фашистских гадов, а там и армейцы подойдут[4 - От п. Займище, где расположен мотострелковый полк постоянной готовности, даже в объезд, через п. Песчанка, на машине ехать около получаса, значит на БМП – минут сорок.] – и будет все у нас тип-топ…

– Вы что, товарищ майор, – удивленно спросил старшина, – тоже, как ваш сержант, думаете, что эти типы оттуда, с той войны?

– А хрен его знает, – ответил я, – но если в зоопарке на клетке с медведем написано «КРОКОДИЛ», не верь своим глазам. Если они выглядят как фашисты, ведут себя как фашисты и даже думают как фашисты, то фашисты они и есть. Во всем прочем, и с этим черным облаком, как пел Высоцкий, должны разбираться физики-теоретики, доценты с кандидатами.

– Понятно, товарищ майор, – ответил старшина и, повернувшись к своему водителю, прикрикнул на него: – А ты что здесь стоишь? Бегом к машине и вали отсюда, а то не успеешь, и получится, что мы зря тебя прикрывали!

Младший сержант убежал к машине, и мы со старшиной остались вдвоем и заняли позиции в придорожных кустах. При этом нам пришлось залечь на отвратительно холодной и мокрой земле, но, если мы хотели выжить после этого

боя, по-другому было нельзя. Наша затея задержать приближающихся немецких мотоциклистов (для меня они теперь были именно немецкими мотоциклистами) не была такой уж безнадежной. Шипованная лента и две «ксюхи» с короткой дистанции во фланг, куда мотоциклисты не смогут развернуть свои пулеметы – это достаточно весомые аргументы в предстоящем бою. Правда, мы со старшиной забыли о том, что эти дойче байкеры с легкостью могут развернуть на нас сами мотоциклы – но это простительно. Запарка со всем этим нашествием призраков прошлого была такая, что впору было забыть и о куда более серьезных вещах. Кроме того, мы были ужасно расстроены и разозлены гибелью детей – жажда отмщения наполняла наши сердца, мы хотели сами видеть, как эти гады умирают от наших рук, как течет их кровь и как горят их мотоциклы…

Увидев, что ДПСовская машина резко развернулась на месте и стремительно рванула по направлению к Унече, три первых мотоциклиста в характерных касках и серых шинелях, повинуясь инстинкту охотника «догнать и растерзать», тоже прибавили ходу и перестали внимательно поглядывать по сторонам. Несколько пулеметных очередей, пущенных с первого байка с дальней дистанции и прошедших в стороне от цели, только увеличили их охотничий задор. Шипованная лента поперек дороги явилась для них весьма неприятным сюрпризом. Первый байкер-колясочник даже и без нашей стрельбы, кувыркаясь, улетел в глубокий кювет под хлопок лопнувшего переднего колеса. Следующий проделал то же самое, но только перечеркнутый двумя короткими очередями. Я стрелял по водителю, а старшина по пулеметчику и седоку на заднем сиденье. Еще один мотоциклист попытался развернуться поперек дороги, чтобы пулеметчик мог взять нас на прицел – но не преуспел, потому что на водителе скрестились две наших очереди. Падая на руль, убитый немец вывернул его до предела, в результате чего его мотоцикл развернуло на сто восемьдесят градусов, а секунду спустя он вспыхнул чадным бензиновым пламенем. Седок спрыгнул с заднего сиденья, сдергивая с плеча карабин, но мы со старшиной двумя двухпатронными очередями объяснили ему, насколько он был неправ, после чего тот распластался на дороге и больше не отсвечивал.

При этом основная группа мотоциклистов – экипажи еще девяти машин – видимо, не разглядев в деталях, что тут творится (но убедившись, что их приятели в головной группе попали в засаду и гарантированно погибли), скучковались, как они считали, на безопасной дистанции метров в трехстах от опушки леса. При этом они открыли в нашу сторону беспорядочную ружейно-пулеметную стрельбу – скорее всего, не сколько в надежде убить кого-нибудь или ранить, сколько ради собственного самоуспокоения. Не зная, сколько нас прячется в этом лесу, и не решаясь последовать за своими менее удачными

камрадами, они, видимо, ждали команды от начальства.

Тем временем старшина, попросив в случае чего прикрыть его огнем, полз в ту сторону, куда кувыркнулись слетевшие с дороги байки – и вскоре оттуда послышались звуки возни и несколько одиночных выстрелов. Через некоторое время старшина вернулся таким же образом, волоча за собой пулемет с первого байка с примкнутым к нему сбоку круглым магазином[5 - Пулемет МГ-34 был единым пулеметом вермахта, то есть мог использоваться и как ручной, и как станковый и то, что майор Агапов по неопытности принял за магазин, тоже было патронной коробкой, но только маленькой – на пятьдесят патронов, используемой тогда, когда единый пулемет выступал в качестве ручного. Патронные коробки большого объема на 150, 250 и 300 патронов не примыкались к пулемету и могли быть использованы только при помощи второго номера, который должен был руками подавать ленту в пулемет, дабы ее не перекрутило и не заело. Ленты в больших коробках могли быть разъяты на секции по 50 патронов, пригодные для переснаряжения малых цилиндрических патронных коробок.], и брезентовый мешок, в котором находились две большие коробки с лентами.

Но самым главным был не пулемет, хотя и он немало нам пригодился, когда незваные гости попробовали еще раз прощупать нас на прочность. Основной добычей были книжки из плотного коричневого картона с фашистским гербом на обложке (орел, держащий в когтях свастику) и надписью «Soldbuch» (Солдатская книжка) – причем две последние буквы выглядели буквально слипшимися. Я держал в руках множество различных видов российских и иностранных документов, и сразу могу сказать, что эти в меру потертые книжки с вклеенными в них черно-белыми фотографиями самого разного размера, действительно были личными документами, которые их владельцы носили при себе, и в которые заносились все перипетии их службы.

И еще они наглядно свидетельствовали о том, что произошло невероятное – и мы со старшиной только что уничтожили девять солдат вермахта, которые перед этим с садистским удовольствием убивали наших, российских, детей из своих пулеметов. А ведь те поначалу даже не поняли, что происходит… Ну что поделать, если за семьдесят с лишним лет мирной жизни народ отучился бояться мерзавцев в серых шинелях и касках характерной формы. Тем временем по дороге из Красновичей в большом количестве к нашим старым «приятелям» подъехали еще десятка два мотоциклов с колясками. Даже страшно предположить, что там творилось во время их визита, и что могло случиться с

теми людьми, которые были моими хорошими знакомыми. Остановив мотоциклы, немецкие солдаты начали спешиваться, оправлять форму и снимать с плеч карабины. На глаз, их было там не меньше роты. Чтобы жизнь этим козлам не казалось медом, старшина, который к тому моменту как раз разобрался с трофейной машинкой, дал по ним длинную очередь и, судя по всему, в кого-то все-таки попал, потому как дойче зольдатены прыснули с дороги как тараканы из-под тапка, залегая в кюветах и за придорожными кустами, а оставшиеся в седлах водители, за исключением нескольких несчастливцев, завели свои байки и убрались на безопасное, как им казалось, расстояние.

Но все это замешательство было ненадолго. Видимо, поняв, что противостоящий им противник ничтожно мал в числе, и в качестве серьезного аргумента использует их же трофейный пулемет, немцы пошли в атаку короткими перебежками, при этом пригибаясь и используя в качестве укрытия каждый бугорок или придорожные кустики. Старшина сделал по ним еще несколько коротких очередей, но никакого успеха не достиг. Тут бы нам бросать все и отходить, или же геройски, но бесцельно погибать; но вдруг земля, на которой мы залегли, стала мелко вибрировать, а со стороны Унечи до наших ушей донесся протяжный гул с характерным посвистыванием, а также лязг гусениц. К нам на выручку шло что-то достаточно тяжелое, гусеничное и бронированное. Немцы явно тоже услышали весь этот шум и даже, возможно, увидели то, что идет по дороге – потому что вместо перебежек вперед они залегли и начали окапываться, а от черного облака – точнее, от хутора Кучма – в их сторону рванулись несколько грузовиков с маленькими пушечками на прицепе. За рулем там явно были какие-то коллективные Шумахеры, потому что поворот от поселка Кучма на трассу эти парни проходили почти не снижая скорости, так что сам грузовик наклонялся, а пушки вообще вставали на одно колесо, чуть ли не переворачиваясь.

Нет, ребята, поздно пить сироп, когда уши уже отвалились. За вами уже пришли. Оглянувшись, через просветы в деревьях я увидел как по дороге одна за другой идут боевые машины пехоты, буквально облепленные похожими на марсиан бойцами российской армии в полной боевой экипировке. Что там наши две «ксюхи» и трофейный пулемет, добытый старшиной… мощь, сила!

* * *

20 апреля 2018 года 10:45. Брянская область, Унечский район, окрестности поселка Красновичи.

Старшина контрактной службы Андрей Петрович Дубинин, командир мотострелкового отделения и замкомвзвода в 182-м мотострелковом полку,144-й мотострелковой Виленской Краснознамённой, орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского дивизии.

Сначала мы думали, что начались очередные учения, и задача выдвинуться в район расположенного совсем рядом хутора Кучма, и уничтожить там небольшое бандформирование является учебной. У нас на учениях любой противник именовался бандформированиями. Не будет же командование прямо в лоб сообщать, что нас готовят к войне против американцев, французов, англичан или иных регулярных армий стран-членов НАТО. В учебности задачи убеждало и место обнаружения предполагаемой банды. Хутор Кучма находится прямо в противоположном направлении от границы, и непонятно, откуда там могли взяться правосеки, или кто-либо там еще. Не с неба же они упали.

Короче, первоначально по тревоге поняли только нашу роту, которая, правда, и так была дежурной, а потому находилась в пятиминутной готовности – то есть все, от командира роты до последнего мотострелка, находились в парке при оружии, около прогретой и готовой к маршу техники, не отлучаясь никуда дальше сортира. Поскольку наш полк постоянной готовности и дислоцирован не на самой спокойной границе, то вся техника в боксах стоит полностью исправная, заправленная топливом и с загруженным боекомплектом – только заведи, и в бой. Лишь дежурная рота способна выступить через пять минут, а весь остальной полк, в случае начала боевых действий, начнет покидать пункт постоянной дислокации не раньше чем через час – в крайнем случае, минут через сорок.

Даже если вся техника разом выйдет из территории парков, сломав заборы, то дальше сразу же возникнет затор на дорогах. Ведь вокруг нашего полка не сплошная степь, по которой езжай в любую сторону – а поля, леса, болота и речки, среди которых крайне мало дорог, а по большей части одни направления, ведущие в никуда. Кстати, когда машины нашей роты покидали парк, на территории полка наметились признаки нездорового шевеления. Механики-водители пока не очень спешно потянулись к парку – заводить и прогревать технику, а остальные начали строиться для получения оружия и экипировки из оружейных комнат. Я подумал, что если бы речь шла о марше в условиях

настоящих боевых действий, то наша рота выступила бы в качестве головной походной заставы полка, которая по уставу следует в двадцати километрах впереди основных сил.

В то же время, когда БМП нашей роты, проходя через КПП, покидали территорию части, прямо из парка, от боксов разведроты, один за другим взлетели два свермалых и сверхбесшумных электрических беспилотника, которые, в свою очередь, должны были проверить дорогу по маршруту нашего следования. В принципе, с учетом последних технических веяний, это являлось самой обычной процедурой, ибо еще во время афганской и обеих чеченских войн было установлено, что армейская колонна без предварительной разведки с воздуха становится крайне уязвимой для засад. Только тогда это были хорошо защищенные и вооруженные вертолеты Ми-24 по прозвищу «Крокодил», а теперь маленькие и компактные беспилотники, главным оружием которых является малозаметность. Одним словом, маленькие, почти бесшумные аппаратики улетели вперед, а мы продолжили свой марш, находясь в полной уверенности, что выполняем чисто учебную задачу в рамках очередной «внезапной проверки».

Но когда была пройдена треть пути и мы уже находились у железнодорожного переезда, нашему командиру роты капитану Погорелову поступила новая вводная, которая привела нас всех, мягко выражаясь, в оторопь.

– Значит так, товарищи-командиры и орлы-сержанты, – сказал он по командирскому каналу, который принимали только командиры взводов и отделений, – пришел новый приказ. Это не учения, мальчики, это война. Поэтому, магазины к автоматам примкнуть, затворы передернуть, оружие с предохранителей снять. По людям, одетым в немецкую форму времен Великой Отечественной Войны, огонь на поражение открывать без предупреждения. Повторяю – по людям, одетым в форму немецко-фашистских захватчиков, и технике, маркированной опознавательными знаками вермахта, приказано стрелять на поражение без всяких колебаний.

В тот момент я вообще не понял. Какие к бениной бабушке в наше время могут быть немецкие фашисты? Украинские могут быть, литовские, латышские, эстонские могут, даже молдавско-румынские имеют право на существование, а вот немецких быть не может по определению. Мы – то есть на самом деле наши деды – трансплюгировали этих тварей еще семьдесят лет назад. Каждый раз, когда мы проводим учения, эти немцы ссутся себе в кровати, думая, что мы

снова готовимся прийти по их души.

Хотя в подобие вермахтовской формы мог переодеться кто угодно – хоть те же хохляцкие правосеки, свободовцы или еще какие гитлеролюбы, решившие таким образом отметить день рождения своего кумира. Но этого, мягко говоря, недостаточно для того, чтобы нам было отдано такое суровое распоряжение. Суровее может быть только приказ «живыми не брать». Возможно, что эта банда уже успела совершить нечто настолько ужасное, что было решено ликвидировать ее, даже не дожидаясь подтягивания Росгвардии, которая и должна заниматься такими проблемами. Но действительность оказалась даже поганей, чем нам всем казалось первоначально. Проезжая коттеджный поселок «Аэродром», расположенный на северной окраине Унечи, у поворота на трассу Унеча-Сураж, мы увидели ДПСовский блокпост, заворачивающий обратно всех любителей быстрой автомобильной езды, решивших прокатиться в направлении Суража. Но и это было еще не все. Со стороны перекрытой трассы отчетливо доносились звуки стрельбы из автоматического оружия и редкие, но настойчивые хлопки винтовок. Нехороший знак, говорящий о том, что версия о внезапной проверке или учениях померла, так и не успев по-хорошему родиться.

Очевидно, наш командир получил какие-то особые распоряжения от командования, потому что у самого блокпоста его БМП на мгновенье притормозила, и на броню не особо ловко влез молоденький мент. Командирское БМП резко рванулось вперед, чтобы занять свое место в колонне, а откинувшийся назад мент, неловко ухватившись рукой за скобу, выпрямился и начал что-то горячо втулять нашему капитану. Не знаю, о чем он там говорил, но командир приказал прибавить ходу – и теперь мы мчались по почти прямому шоссе, как на гонках Формулы-1; и звуки стрельбы впереди становились все отчетливей. Вот дорога сделала чуть заметный поворот; впереди, примерно в километре, открылся выезд из леса – именно оттуда доносились звуки стрельбы. Ротный приказал нам быть готовыми к бою, и у самого выезда из леса наши БМП начали притормаживать и останавливаться, а бойцы спрыгивать на асфальт, собираясь плотными компактными группами за корпусами своих боевых машин, которые прикрывали их от вражеского ружейно-пулеметного огня.

* * *

Тогда же и там же.

Капитан Петр Васильевич Погорелов, командир 4-й мотострелковой роты 182-го мотострелкового полка,144-й мотострелковой Виленской Краснознамённой, орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского дивизии.

Да, вот тебе и менты. Повоевали знатно, ничего не могу сказать. Поперек дороги была расстелена шипованная лента, какую обычно используют ДПСники для того, чтобы прокалывать колеса всяческим нарушителям, и в левом от нас кювете валялись два перевернутых и разбитых мотоцикла с колясками в весьма характерной раскраске, какую я много раз видел в кино про войну. А совсем рядом, по тем же кустам, в нелепых позах были разбросаны тела тех самых людей, «одетых в форму немецко-фашистских захватчиков». Ну, что же, значит, будем знакомы, господа пришельцы.

Третий такой же мотоцикл, чадно воняя паленой резиной и горелым мясом, догорал прямо посреди дороги. И это именно обгорелая тушка его водителя, лежащая грудью прямо на бензобаке, издавала такое противное амбре. Седок в коляске обгорел значительно меньше, и там воняла основном обуглившаяся шинель. Третий мотоездок, раскинув ноги и придавив собою карабин, распластался на асфальте в двух шагах от своего сгоревшего средства передвижения, и расплывшаяся вокруг головы лужа крови, перемешавшаяся с дождевой водой, говорила о том, что он мертв так же, как и его обгорелые приятели.

Ну ладно, сдохли – туда им, поганцам, и дорога. Я уже знал, что они тут вытворяли не далее как полчаса назад, как расстреливали из пулеметов беззащитных детей. Командир полка при уточнении поставленной задачи изложил мне все это в общих чертах. Но на милицейском блокпосту на мою машину подсел милиционер Сергей, который, напротив, расписал все в цветах и красках, поскольку был очевидцем и непосредственным участником произошедшего. Сказать честно, на какое-то время я был ошарашен и выбит из колеи. Но меня шокировало совсем не то, что у нас на территории России вдруг объявились люди, которые по всем признаками были немецкими солдатами еще той, Великой Отечественной Войны. Нет. У меня в голове не укладывалось, как эти звери в человеческом облике могли хладнокровно расстреливать спасающихся детишек в ярких, хорошо заметных, курточках и платьях, а потом еще и добивать раненых выстрелами в упор.

Но на первых порах нам было некогда задумываться о морально-этических аспектах и любоваться местными красотами, потому что над нашими головами

засвистели пули, некоторые из которых противно цвикали по броне БМП. Я подумал, что эти три мотоцикла с девятью солдатами, расстрелянные ментами на дороге, должны были составлять походный головной дозор перед основной группой мотоциклистов; и, поскольку они все полегли в этой засаде, то их приятели не рискнули соваться в лес, в котором засел противник неизвестной численности, вооруженный автоматическим оружием.

В результате две сотни солдат в серых шинелях залегли по обе стороны от дороги метрах в двухстах-трехстах от опушки леса, чуть дальше раскиданных во все стороны обломков, в которых с трудом можно было узнать ментовской автомобиль – и сейчас обстреливали нас из винтовок и пулеметов. Еще большее количество таких же бабуинов – тысяча или две, точнее сказать сложно – копошились в полутора километрах от нас в окрестностях черного облака, раскинувшегося по соседству с хутором Кучма. Что они там делали, понять издалека было сложно – но и к гадалке не ходи, что рыли окопы, пытаясь закрепить за собой кусок нашей земли. Если тут смогли появиться эти вражеские солдаты, то неизвестно, сколько еще их сюда вылезет.

Ну что же – на войне как на войне. Если нас обстреливают, то мы просто обязаны подавить этот огонь и оттеснить противника от опушки леса. Тем более, что на тот момент я уже знал, что вслед за нашей ротой в район боя с неизвестным бандформированием выдвигается весь наш полк и, скорее всего, не он один. Присутствие на нашей территории, как любят выражаться политики, «группы одетых в военную форму вооруженных лиц неустановленной государственной принадлежности», которые к тому же с ходу успели совершить достаточно военных преступлений и зверств – это совсем не та вещь, к которой командование нашей армии и руководство страны могло бы отнестись спокойно. Просто для того, чтобы понять уровень угрозы и осознать, какие силы и средства понадобятся для ее устранения, им необходимо определенное время. А пока на острие борьбы стоит именно наша рота, и именно нам стоять тут насмерть, прикрывая собой развертывание основных сил.

Поскольку на узкой, окруженной лесом дороге огонь по противнику* могли вести только операторы-наводчики двух головных машин, я отдал приказ – и техника, перестроившаяся в двойную колонну, снова медленно двинулась вперед, своими корпусами укрывая следующих позади бойцов. Задача была проста – выдвинувшись колонной на открытое место, развернуться в цепь и, подавив огнем автоматических пушек и пулеметов расположенного напротив нас противника, оттеснить его от Красновичей в сторону того самого черного

облака.

Но с самого начала не все пошло так гладко, как хотелось бы. Конечно, вражеской пехоте, (а точнее, спешенным мотоциклистам) шквальный огонь наших БМП не понравился, и они начали потихоньку отползать назад, стремясь разорвать дистанцию. Досталось и тем четырем грузовикам с прицепленными позади них мелкокалиберными пушечками, которые на большой скорости попытались выйти к нам на расстояние прямой наводки, но были прошиты длинными очередями еще на достаточно большом расстоянии, вспыхнув на дороге чадными бензиновыми кострами.

Увидев, что их камрады терпят бедствие, от позиций, которые противник оборудовал вокруг черного облака, прямой наводкой начала стрелять вражеская артиллерия, причем пара пушек была крайне неприятного калибра. При близких разрывах осколки их снарядов могли даже повредить бортовую броню БМП, не говоря уже о том, что бойцы моей роты начали нести неоправданные и совершенно ненужные потери, и были вынуждены залечь и тоже начать окапываться. Просто перенести огонь автоматических пушек с отступающей вражеской пехоты на новую цель оказалось недостаточно. Вражеские орудия хотя и замедлили темп стрельбы под градом мелких осколочных снарядов, но подавлены не были, и время от времени посылали в нашу сторону весомые и очень неприятные сюрпризы, а солдаты в серых шинелях вокруг них, пригибаясь только при близких разрывах, интенсивно орудовали лопатами, углубляя окопы.

Пришлось запрашивать огневую поддержку у командира нашего полка, тем более что артиллеристы нашего гаубичного дивизиона по данной цели могли отработать, прямо с пустыря расположенного непосредственно за территорией парка, выйти на который им было очень просто, достаточно снести специально отмеченную для этого секцию железобетонного забора. Подполковник Фомин выслушал мою просьбу и переключил меня на командира самоходного гаубичного дивизиона майора Музыку (вот уж наградил Бог человека фамилией). Майор выслушал мою просьбу и сказал, что через минуту (а это значит, что дивизион развернут и готов к открытию огня) он даст пристрелочный выстрел одним орудием, а беглый огонь откроет только после моей корректировки. И точно! Через две минуты в чистом поле, метрах в четырехстах правее немецких позиций и с довольно значительным недолетом рванул первый пристрелочный гаубичный снаряд. После первой поправки и обещания артиллерийского майора выдернуть руки косорукому наводчику следующий снаряд лег почти так, как надо, только с небольшим перегибом в противоположную сторону. И уже вторая

поправка стала последней и решающей – на позиции вражеских артиллеристов обрушился настоящий град из фугасных снарядов, который принялся методично перемешивать живых людей и технику с песчаной брянской землей. Такого аргумента вражеские артиллеристы не выдержали и заткнулись окончательно.

Пока наши артиллеристы вбивали в землю вражескую батарею, противостоявшие моей роте солдаты мотоциклетного батальона противника (те, которые смогли уцелеть) отступили и начали окапываться метрах в пятистах от опушки леса, зацепившись за дающую иллюзию защиты большую группу кустов и деревьев, расположенных слева от дороги. Там же, где-то за кустами, прятались от нас их байки с водителями. Также солдаты противника в серых шинелях и характерных касках были замечены на ближней к нам окраине Красновичей, откуда их еще придется выкуривать. Моя рота под прикрытием артиллерийского обстрела также отошла на опушку леса и заняла там оборону в один эшелон, тем самым полностью блокировав противнику дорогу на Унечу. Итогом этого боя в моей роте стали трое убитых и пятнадцать раненых, в том числе командир второго взвода лейтенант Алешин, а также незначительные повреждения двух боевых машин. Хуже было с боеприпасами, в первую очередь со снарядами к автоматическим пушкам, которые из-за интенсивной стрельбы были истрачены почти наполовину. При этом неким подобием второго эшелона обороны стал расположенный прямо у дороги в четырехстах метрах позади опушки леса и переднего края и тщательно замаскированный командный пункт роты, на котором, помимо отделения управления, занимали позиции две боевых машины пехоты. Любой, кто сунется по дороге в сторону Унечи, напорется на кинжальный огонь их пушек.

То место, где эти мерзавцы расстреляли детей, оказалось на нейтральной полосе. При этом те дети, которые смогли избежать смерти или тяжелого ранения, уже в конце боя лесом начали выходить на наш правый фланг – и мои бойцы тут же, не задерживая, отправляли их в тыл вместе с нашими ранеными. Напуганные и часто раненые детишки, многие из которых были младшекласниками, вызывали в моих бойцах чувство горя и ярости, и я думаю, что с этого момента они просто не будут брать в плен одетых в немецкую форму пришельцев из другого мира. И я тоже не буду. Разве что только по тактической необходимости. Правильно было сказано: «Там, где ты его увидишь, там его ты и убей!». Тем более что здесь у нас этим незваным гостям совсем не место, кем бы они ни были.

Кстати, было бы неплохо наконец выяснить, кто все эти вооруженные люди, и откуда они взялись. Встреча с двумя ментами, вышедшими на мой командный пункт, тоже окончательной ясности не внесла. Ну, имеют место солдатские книжки с символикой нацистской Германии… и что? Я, например, никак не могу сказать, настоящие они или поддельные, потому что не специалист. То же самое касается униформы этих пришельцев, их оружия и техники. Один из подбитых ментами байков оказался почти исправным, если, конечно, не считать проколотых шин. Хороший такой образчик изделий фирмы БМВ – в меру тяжелый, но зато очень крепкий и надежный. Будучи вытащен на дорогу при помощи четырех бойцов и такой то матери, он завелся с первого пинка по кик-стартеру, готовый ехать куда угодно, стоит только заклеить шины.

Но с другой стороны, можно, конечно, принять за основу рабочую гипотезу, что это облако есть некая дыра, через которую к нам лезут незваные гости из нашего прошлого или, по крайней мере, такого мира, который можно отличить от нашего прошлого только под микроскопом. Тот майор-участковый сказал мне, что если эти пришельцы выглядят как фашисты, вооружены как фашисты, одеты в фашистскую форму и поступают соответственно – то они фашисты и есть, и наша общая обязанность – убивать их до тех пор, пока хоть один такой мерзавец топчет нашу землю.

* * *

20 апреля 2018 года 12:05. Брянская область, Унечский район, сельское поселение Красновичи, хутор Кучма.

Максим Алексеевич Тимофейцев, либеральный журналист и модный блогер.

Я и сам не ожидал, что наши армейцы примутся воевать с такой резвостью, что даже у привычных ко всему немецких офицеров от удивления отвиснут челюсти. Мне не верили, когда я по-английски рассказывал гауптману Зоммеру о том, что наша армия сильна, могуча и непобедима, что, несмотря на облачный покров, наши разведывательные спутники уже обнаружили их группировку, влезшую сюда совершенно некстати и что в наших штабах уже пересчитали все их грузовики, бронетранспортеры, мотоциклы и прочие подлежащие счету единицы, вплоть до отдельных солдат. В конце я добавил, что если раньше была хоть малейшая надежда на переговоры, то теперь из-за того, что они обстреляли машину участкового (не стоило им этого делать), с ними теперь

будут обращаться как с обычным бандформированием, которое сперва уничтожают, а потом опознают трупы.

Гауптман слушал меня с недоверчивым видом, скептически кривил губы, но ни разу не возразил, и тем более не заорал, требуя заткнуться. А весь секрет в том, что мои слова никоим образом не противоречили тому, что они и сами могли нарыть в интернете. Десять лет назад убедить кого угодно в мощи и боевом духе нашей армии было бы затруднительно, двадцать лет назад – просто невозможно. Зато сейчас все эти армейские байки про комплекс «Хибин» и подавшую в отставку команду американского эсминца, а также о том, как наши лихо воруют у хохлов НАТОвские беспилотники, и как наши танкисты обыгрывают всех в танковый биатлон, а летчики в авиадартс, попадаются в инете буквально на каждом шагу.

Тогда, когда я рассказывал гауптману все эти истории, я еще не знал, что под едва слышное татакание в отдалении совершается нечто такое, после чего наше армейское командование забегает как ошпаренное, а с этими немцами потом будут поступать как с теми бородатыми козопасами в Беслане. Помнится, тогда из них в плен взяли только одного, который громко кричал на камеру о том, как сильно он хочет жить. Если бы я в том момент знал об этом, то постарался бы свалить при первой возможности, но что увы, то увы. О чем ты не знаешь, того не сможешь предотвратить.

Потом перестрелка в отдалении усилилась, стрельба стала почти непрерывной, какой-то басовитой, злой и отрывистой, после чего на поле по соседству с моим домом начали стрелять пушки. Гауптман Зоммер с гордостью сказал, что это немецкие пушки, и что нашей мелкой пехотной части с легкими танками, которая наскочила на их передовую группу, теперь, несомненно, конец. Но стрельба все продолжалась и продолжалась, а потом где-то совсем неподалеку ахнуло с такой силой, что во всем доме завибрировали стекла.

Гауптман Зоммер замолчал и напрягся, и тут со страшной силой рвануло где-то совсем рядом, чуть ли не в моем собственном огороде – или, по крайней мере, на том месте, где это огород был, когда была жива бабка моего приятеля. Весь дом содрогнулся так, будто какой-то великан пнул его в стену. С потолка посыпался всякий мусор, пыль и древесная труха. Стекла в окошках вылетели звенящим дождем, аппаратура подпрыгнула на столе, а индикатор спутникового канала упал до нуля. Явно этот взрыв своротил со своего места антенну, и теперь для ее установки требуется вызывать специалистов из Унечи, что в данном случае

является недостижимой мечтой. Сам бы я не взялся ставить антенну на ее законное место, тем более что она, возможно, не только сдвинута с места, но и повреждена. По счастью для нас самих, снаряд рванул напротив торцевой стены, не имеющей окон, поэтому те, кто был в доме, не пострадали от его осколков.

Но это было еще далеко не все. Буквально через минуту такие снаряды начали градом падать на том поле, где немецкие солдаты в настоящий момент резво рыли окопы – по словам Зоммера, для того, чтобы предотвратить вторжение нашей армии в свой мир. Тогда я ему сказал, что если наш президент захочет куда-нибудь вторгнуться, то обязательно это сделает, и ничего ему не помешает. И вот теперь совсем неподалеку грохотали разрывы, дом весь трясся и ходил ходуном, свет в комнате мигал, а я думал, что стоит одному такому случайному снарядику немного отлететь в сторону – и тогда хана всем приключениям либерального блогера Тимофейцева среди фашистов. Кстати, именно в тот момент я смог вволю полюбоваться на растерянного и бледного Зоммера, старающегося не подавать виду, насколько ему страшно. Сразу было понятно, что раньше обстрела такой силы он не видал и сам под него не попадал[6 - Ну и где бы разведчики танковой дивизии вермахта к августу сорок первого могли бы побывать под серьезным артобстрелом, когда по компактной цели бьет дивизион или полк тяжелых орудий калибров 122/152 мм?].

Но ничто на этом свете не бывает вечным; Бог нас всех миловал, и обстрел закончился. Когда все стихло, я выскочил во двор и первым делом, прямо на крыльце, наткнулся на труп часового с пробитой головой – вероятно, его убило тем самым снарядом, после которого у меня пропал интернет. Искореженная, смятая антенна валялась чуть поодаль от дома, головка была свернута набок, а кабель перебит осколком. Бесполезный неремонтопригодный хлам, который можно только выбросить. Еще раз глянув в ту сторону, я плюнул, после чего сказал Зоммеру, что наш интернет-серфинг закончился, антенна повреждена необратимо – короче, метро дальше не едет.

Гауптман посмотрел на антенну, потом на меня, коротко выругался, а затем приказал нам с унтер-офицером Шульцем собирать все то, что необходимо взять на ту сторону. После этого он почти бегом направился к черному облаку – Николай потом мне сказал, что на доклад к какому-то генералу Модулю. Кстати, бронетранспортер, на котором мы сюда приехали, был сильно поврежден близким взрывом снаряда, его водитель получил тяжелое ранение, а пулеметчик, из-за несдержанности которого и случилась эта история с обстрелом участкового, оказался и вовсе убит. Тогда я впервые в жизни увидел,

как выглядит человек, у которого в буквальном смысле вместе с каской осколком железа сорвало крышу.

«Пора отсюда валить, – подумал я, – а то сожрут, вместе с этими, и не подавятся. Артиллерия свое отработала, теперь на сцене появятся ВКС – крутые парни с обложки журнала – в белых блестящих шлемах, с солнцезащитными блистерами; со звенящих голубых высот они засыплют тяжелыми бомбами роющихся в земле жалких сосисочников и меня вместе с ними, да так, и что хоронить будет нечего. Знаем, видели по телевизору. Для наших бомберов что бородатые боевики, что бритые нацисты – одна хрень. У них же даже банальных «стингеров» против вертолетов нет, не говоря уже о чем-то более серьезном. Так что валить, валить, валить из этой сраной Кучмы… Но только не на ту сторону – там тоже скоро станет жарко, потому что ботоксный карлик не удержится, и, разгромив немцев на этой стороне, влезет и в сорок первый. К тому же там, по нечаянности, можно попасть в лапы к усатому и его хряку в пенсне. Эти не пощадят!

Но только как отсюда валить? Теперь, когда я на положении пленника, а не добровольного сотрудника, это гораздо тяжелее осуществить. Разве что во время следующего обстрела, и на пару с Шульцем. Но как ему об этом сказать? Вдруг он тоже фанатичный нацист – и сдаст меня в гестапо или пристрелит, как только я объясню ему свою идею? Тут тщательнее надо, как говорил когда-то один известный юморист…

* * *

Тогда же и там же.

Унтер-офицер вермахта Николас Шульц, он же Николай Максимович Шульц.

Удар русской артиллерии по окапывающемуся пехотному полку был внезапным и уничтожающим. Слова господина Тимофейцева полностью подтвердились – огневой удар по артиллерии пехотного полка был таким эффективным, что из строя вышла почти вся наша артиллерия. Да что там говорить – один-единственный снаряд во время пристрелки, перелетом упавший поблизости от дома, где мы находились, сильно повредил само строение, вывел из строя бронетранспортер, убил троих и тяжело ранил двух солдат моего отделения. От его осколков тяжелые ранения получили копавшийся в моторе водитель и второй номер пулеметного расчета, который во время обстрела как раз сидел в

русском деревенском сортире. Еще на той стороне он обожрался русских зеленых яблок – и теперь дристал при каждой возможности.

При этом я не знал, что стало с моим заместителем[7 - Отделения моторизованных разведывательных частей на полугусеничных бронетранспортерах «Ганомаг». (Aufklarungsabteilung (mot.)), включали в себя две машины – ими командовали соответственно командир отделения и его заместитель, которые могли иметь звание от старшего ефрейтора (младший сержант), до младшего фельдфебеля (старший сержант).], обергефрайтером Кречмером и его людьми, оказавшимися поблизости от этого рукотворного артиллерийского тайфуна. Выяснить это не было никакой возможности, потому что гауптман Зоммер приказал мне оставаться здесь и следить, чтобы господин Тимофейцев собрал все, что необходимо переправить в наше время, а послать вместо себя мне некого. Стонущих раненых забрали санитары, а все остальные просто погибли от осколков русского снаряда.

Никогда еще за все время пока мы воюем, мое отделение не несло таких ужасных боевых потерь. Раньше наши солдаты гибли и попадали в госпиталь по собственной глупости и неосторожности, а совсем не потому, что поблизости падал шальной гаубичный снаряд. Возможно, погибли и остальные солдаты моего отделения, а может, злая доля их миновала; и теперь они только и ждут, чтобы я к ним присоединился. А может, и нет – и присоединиться к ним я смогу только в аду. В любом случае в самом скором времени я это узнаю.

Когда мы складывали в сумку вещи, в отдалении послышался свистящий шум и вой, как будто там клекотало несколько огромных птиц; во все это вплетались звуки стрельбы из автоматических пушек и тяжелых пулеметов. Выскочив на крыльцо, я увидел, что в северном направлении, на некотором отдалении от нас, кружат несколько огромных темно-зеленых геликоптеров очень хищного вида, которые, описывая круги и восьмерки, раз за разом атакуют что-то находящееся на дороге. Чадные столбы дыма, поднимающиеся в серое небо, говорили о том, что эти атаки достаточно успешны, и наша мотоциклетная рота (которой было поручено разведать дорогу в северном направлении), если не уничтожена, то понесла серьезные потери. Не стихали звуки перестрелки в южном направлении, где на опушке леса закрепилась вражеская моторизованная часть. Самым явным образом сделалось понятным, что нас возле этого облака обложили со всех сторон, и это кольцо неумолимо сжимается.

Я вообще-то не боялся умирать, совесть моя была чиста, да только вот теперь мне было совсем непонятно, ради чего я должен сложить здесь свою голову. Ради будущего германского народа? Так выяснилось, что даже в случае поражения немцам как нации ничего не угрожает, и сохранится даже германская армия, ибо победитель, кем бы он ни был, будет нуждаться в союзниках, которые прежде были его врагами. Ради освобождения России от ига жидобольшевизма? В этом мире она освободилась от него сама, да и там, у нас, фюрер ставит эту цель не всерьез, а лишь для отвода глаз, чтобы замаскировать благородными намерениями обыкновенный военный разбой и грабеж. Ради торжества дела национал-социализма? Абсолютно не имею такого желания! Поганенькая теория национального превосходства, выдуманная обиженным на всех рижским немцем, которого не захотели брать в свою компанию те же большевики. Ради завоевания для немецкой нации жизненного пространства на востоке и уничтожения России как государства? Ни в коем случае! Все поколения семьи Шульцев, с начала восемнадцатого века, верно служили русским императорам, и они проклянут меня посмертным проклятием, если я положу свою жизнь за такую поганую цель. Тем более что почти двести лет, пока у власти была династия Романовых, немцам в России ничего не надо было завоевывать. Приезжай, поступай на службу – и в твоем распоряжении самое огромное в мире жизненное пространство, от питерских болот и причерноморских степей до самого Тихого океана.

Таким образом, душа моя была в смятении, мысли путались, и я не знал, ради чего нахожусь на этой стороне и что мне делать дальше. Оставались еще, конечно, мои командирские обязанности перед парнями моего отделения, но в последнее время от некоторых их привычек меня начало уже подташнивать. Как, например, покойный пулеметчик Ганс с моего бронетранспортера – он просто обожал стрелять по деревенским псам, да так, чтобы не убить наповал, а чтобы животное еще долго каталось в пыли, мучаясь от боли, что доставляло многим из моих парней особое удовольствие. Я уже знал, что точно так же они открыли стрельбу из пулеметов по идущим по дороге школьникам, и думаю, что эта их выходка еще навлечет на Германию множество бед. Артиллерийский налет, который мы пережили совсем недавно, был только самым началом грядущих проблем. В ближайшее время наверняка последует продолжение экзекуции… Впрочем, ждать долго не пришлось.

Когда все необходимые вещи, включая большое вычислительное устройство, были собраны в большую сумку, и мы, разогнувшись, осматривали комнату на предмет того, не забыли ли мы чего важного, на улице вдруг снова послышался протяжный свист. Выскочив во двор, мы увидели, как совсем низко над

деревьями на окапывающихся вокруг облака пехотинцев заходят в атаку два странных самолета без винтов, с крыльями трапецевидной формы[8 - Унтер-офицер Шульц имеет в виду штурмовик Су-25.], на которых совершенно отчетливо были нарисованы красные звезды. Нет, красные звезды на голубых плоскостях я увидел потом, когда эти самолеты пролетели почти над самыми нашими головами. Но первым делом, опустив носы, они выпустили из-под своих крыльев по паре оставляющих белые дымные следы реактивных снарядов наподобие наших «Небельверферов»[9 - НАР С-25-О (58 кг тротила, 9000 осколков, взрыватель неконтактный, подрыв в 5-10 метрах над землей, радиус поражения 300м).], и тут же заложили вираж, не желая проходить над целью, где их уже могли ждать развернутые «флаки[10 - Буксируемый 2 см МЗА вермахта, в составе зенитной роты из 12 установок.]» механизированной зенитной роты нашей дивизии; после чего, как я уже говорил, пролетели почти над нашими головами. А там, куда они полетели, громыхнуло со страшной силой, во все стороны полетели обломки, и в небо поднялся столб жирного черного дыма.

Русские самолеты возвращались к черному облаку еще три раза, каждый раз наводя своими тяжелыми ракетными снарядами ужасающий разгром на позициях пехотного полка. Напоследок, снизившись, они дополнительно прочесали из своих пушек лощинку, где мотоциклетная рота укрыла свои мотоциклы, и несколько секунд спустя оттуда в небо поднялись жирные клубы черного дыма, свидетельствующие о том, что и эта атака тоже была вполне успешной.

Я смотрел на весь этот разгром, на горящие разбитые грузовики, на перевернутые орудия, на беспорядочно разбросанные тела немецких солдат и офицеров и суетящихся среди них санитаров (одна пара тяжелых ракет угодила туда, где располагались машины и автобусы штаба полка)… И думал, что, оказавшись по это сторону временного барьера, мы, немцы, превратились в мальчиков для битья. Что еще обрушат на нас местные русские, разъяренные нашим бесцеремонным вторжением, и не должен ли я вспомнить о том, чему меня учил отец, чтобы перейдя на их сторону, хоть немного искупить свой грех участия в походе на восток?

Видимо, мои чувства были написаны прямо на лице, потому что господин Тимофейцев неожиданно обернулся и спросил с совершенно серьезным видом:

– Николай, а вы не задумывались над тем, чтобы остаться здесь, в нашем мире?

– Как так остаться? – не понял я. – Вы вообще о чем сейчас говорите?

Тимофейцев воровато оглянулся по сторонам и, убедившись, что на крыльце мы одни, быстро прошептал:

– Поймите, Николай, то, что вы сейчас видели – это только начало, скоро тут появятся по-настоящему серьезные парни и начнут со знанием дела втаптывать вас в землю, пока не убьют всех. Потом они перейдут на вашу сторону и продолжат заниматься тем же самым, потому что так тут положено. Если враг не сдается, то его уничтожают. А вы – в смысле, немцы сорок первого года – враги по определению. Но вы же, Николай, совсем молодой, вам надо еще пожить в свое удовольствие… Как этнический немец, в этом мире вы имеете право на гражданство Федеративной Республики Германия, а как потомственный петербуржец в Бог его знает каком колене – право на российское гражданство. Для этого надо только доказать, что кто-то из ваших предков родился и жил на территории Российской Федерации.

– Постойте, господин Тимофейцев, – сказал я, – ведь совсем недавно вы собирались остаться на нашей стороне и верно служить Великой Германии. Неужели вы поменяли свое мнение?

– Э-э, Николай, – махнул рукой господин Тимофейцев, – тогда я думал, что все, что нам показывают по телевизору – все эти парады, учения, война в Сирии – лишь показуха, кино, и пыль в глаза, а на самом деле ничего нет, все проржавело, солдаты умеют только красить заборы и строить генеральские дачи. А тут оказалось, что никакой показухи нет. Что действительно броня крепка и танки наши быстры. А вот когда они пойдут в яростный поход, то лучше быть отсюда подальше. На вашей стороне теперь жизни не будет – это я ответственно заявляю. К тому же я-то рассчитывал, что вы, немцы, умные, сделаете все тихо, без шума и жертв, а лучше всего попробуете договориться с нашими властями. Ведь если бы никто тут не стрелял, то и нашему бы ботоксному карлику тоже было бы невозможно отдать приказ начать войну на полное уничтожение. А вы тут устроили такое, что хоть святых выноси – шум, гам, тарарам и второе издание Великой Отечественной, чем, наверное, немало разозлили наших отцов-командиров. И будет вам за это Большая Бяка. Какая, я и сам не знаю, но обязательно будет, это вы еще увидите. Поэтому, пока не поздно, лучше все переиграть и перебежать обратно на сторону наших. Заодно и хорошего человека спасу, то есть вас. Я ведь никаких расписок не давал, и если

даже наши возьмут в плен этого самого гауптмана Зоммера или лейтенанта Рикерта, я от всего отопрусь. Нет у наших фсбэшников никаких доказательств против Макса Тимофейцева. Руки у них коротки меня посадить. Моя, между прочим, подружка – генеральская дочь. Если надо, адвокаты меня вытащат и не из такой жопы.

Я слушал этого Тимофейцева, и на душе мне как-то сразу стало гадливо, будто я перемазался в дерьме. Человек по три раза на дню не может менять свои убеждения. Все его метания говорят только о том, что единственное убеждение, какое у него есть – это эгоизм и себялюбие. Такого большого мерзавца, как этот, свет еще не видывал. Мои сослуживцы, руки которых по локоть в крови русских гражданских, перед ним просто невинные ягнятки, потому что они совершают свои зверства из идейных соображений, а не из банального эгоизма. Но я не стану сдавать его в ГФП, нет. Нет смысла. Я сделаю лучше. Сдавшись вместе с ним русским властям, я сдам его уже им. Должны же у такой технически развитой цивилизации существовать средства проверить, правду говорит им этот человек или нагло врет. Но действовать мы будем по моему плану, а не по его.

– Значит так, – сказал я, подводя его к крыльцу и указывая на труп рядового Грубера, – берите вашего тезку за ноги, а я возьму его за плечи.

– А зачем? – удивленно спросил Тимофейцев.

– Сейчас мы занесем моего покойно сослуживца в дом, благо этого никто не видит, – ответил я, – разденем его до исподнего, после чего вы переоденетесь в форму немецкого солдата, возьмете лопату, пулемет, патронные коробки и мы с вами на законном основании пойдем копать окоп для этого пулемета. Или вы думали, что сможете спокойно передвигаться здесь в своем гражданском костюме? Да вас сначала пристрелят, а потом будут задавать вопросы! Ну, давайте, берите тезку за ноги – раз-два, подняли и понесли.

Переодетый в форму немецкого солдата господин Тимофейцев выглядел несуразно, но терпимо. Иногда в пехотных ротах встречаются и не такие чучела. Последним штрихом к портрету был бинт из индивидуального пакета, обмотанный вокруг горла. Если придется объясняться, то скажу, что поле перенесенной ангины доктор отправил этого солдата долечиваться в роту, но при этом запретил ему говорить. Еще нам следовало захватить с собой все, что мы собрали для гауптмана Зоммера – но это была огромная сумка, которую по-

хорошему следовало бы тащить вдвоем, и поэтому ее наличие при нас было способно разрушить любую легенду. И тут в голову Тимофейцеву пришла замечательная идея. Пусть он гад и подлец, но голова у него все-таки варит.

– Слушай, Николай, – спросил он, – а почему нам нельзя поехать на моей машине? Или у вас в вермахте запрещают пользоваться разного рода трофейным автотранспортом, раннее принадлежавшим местным жителям?

И действительно, его машина стояла с другой стороны дома и внешне выглядела совсем не пострадавшей ни от взрывной волны, ни от осколков. Кстати, как там говорит старая русская пословица, которую частенько повторял мне отец: «Лучше плохо ехать, чем хорошо идти». Трофейные средства использовать не запрещается, даже наоборот. Единственным недостатком машины господина Тимофейцева является то, что жрет она исключительно авиационный бензин. Но пока не пришла пора заправляться, это нас не особо волнует. Первым делом мы, дрожа, что вот-вот вернется гауптман Зоммер, беспощадно выкинули с заднего сиденья и из багажника все то, что Тимофейцев закупил для длительного проживания в деревне, оставив только блоки с сигаретами. Во всех армиях курево является настоящей солдатской валютой, и многие вопросы можно решить, просто угостив человека сигареткой. Тем более наши немецкие сигареты – это просто сухая трава (некоторые говорят капустные листья) пропитанная синтетическим никотином, а тут имеет место натуральный высококачественный табачок, настоящее отдохновение души. После этого мы загрузили в багажник сумку со всем важным для рейха барахлом, а на заднее сиденье положили пулемет и вытащенные из бронетранспортера коробки с патронами. Господин Тимофейцев завел мотор, и мы вместе с ним выехали со двора, надеясь, что наша затея обернется успехом.

Сказать честно, у меня было такое чувство, что все это происходит не со мной, как будто не я собрался изменить Великой Германии и непобедимому вермахту; и теперь мне просто интересно, получится у меня что-нибудь или нет. Как ни странно, но все получилось. У выезда из деревни вообще не было выставлено никакого поста, сказывались последствия авианалета и вызванного им хаоса. Зато у поворота на трассу стояли сразу два задерганных солдата из мотоциклетного батальона, причем у одного из них голова под каской была замотана окровавленной повязкой, а второй сильно хромал. Притормозив машину, я хладнокровно угостил этих кригскамрадов сигаретами и объяснил, что наше начальство послало меня оборудовать секрет с пулеметом у следующего перекрестка дороги, а так как наш бронетранспортер сгорел, то мы

взяли брошенную машину местного жителя.

Затянувшись сигаретой и блаженно выпустив ароматный дым, старший патруля сказал, что в ту сторону, вообще-то на разведку уже уехали их мотоциклисты из второй роты, но потом в той стороне была большая стрельба и взрывы, а в воздухе кругами летали машины, похожие на огромных стрекоз. И с тех пор от второй роты ни ответа, ни привета. Так что, возможно, ее уже нет, и начальство не зря озаботилось блокпостом. А то ударят в спину – а мы тут голые и без штанов. И вообще, местные русские воюют не по правилам – прошло всего полдня, а от батальона хорошо если осталась полнокровная рота…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Начальник разведки – это неточный перевод. Русский язык Шульц слегка подзабыл. На самом деле гауптман Зоммер является командиром разведывательного батальона, входящего в состав танковой дивизии – а это совсем не одно и то же.

2

Модель просто пока еще не проинформирован о событиях 1991 года. Для него Россия – это вся территория бывшего СССР.

3

Гибкая, сворачивающаяся в рулон, лента с шипами, раскатываемая на дороге и применяемая для прокалывания шин разным правонарушителям, если они не подчиняются требованию инспектора ГАИ/ДПС немедленно остановиться и предъявить документы.

4

От п. Займище, где расположен мотострелковый полк постоянной готовности, даже в объезд, через п. Песчанка, на машине ехать около получаса, значит на БМП – минут сорок.

5

Пулемет МГ-34 был единым пулеметом вермахта, то есть мог использоваться и как ручной, и как станковый и то, что майор Агапов по неопытности принял за магазин, тоже было патронной коробкой, но только маленькой – на пятьдесят патронов, используемой тогда, когда единый пулемет выступал в качестве ручного. Патронные коробки большого объема на 150, 250 и 300 патронов не примыкались к пулемету и могли быть использованы только при помощи второго номера, который должен был руками подавать ленту в пулемет, дабы ее не перекрутило и не заело. Ленты в больших коробках могли быть разъяты на секции по 50 патронов, пригодные для переснаряжения малых цилиндрических патронных коробок.

6

Ну и где бы разведчики танковой дивизии вермахта к августу сорок первого могли бы побывать под серьезным артобстрелом, когда по компактной цели бьет дивизион или полк тяжелых орудий калибров 122/152 мм?

7

Отделения моторизованных разведывательных частей на полугусеничных бронетранспортерах «Ганомаг». (Aufklarungsabteilung (mot.)), включали в себя две машины – ими командовали соответственно командир отделения и его заместитель, которые могли иметь звание от старшего ефрейтора (младший сержант), до младшего фельдфебеля (старший сержант).

8

Унтер-офицер Шульц имеет в виду штурмовик Су-25.

9

НАР С-25-О (58 кг тротила, 9000 осколков, взрыватель неконтактный, подрыв в 5-10 метрах над землей, радиус поражения 300м).

10

Буксируемый 2 см МЗА вермахта, в составе зенитной роты из 12 установок.

Купить: https://tellnovel.com/ru/markova_aleksandr/vrata-voyny

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить